

В.Н. Колотов, А.Н. Ланьков

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ  
И ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОСТИ СТРАН АСЕАН:  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ,  
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА РЕГИОНА  
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)<sup>1</sup> представляет собой крупнейшую региональную организацию, в которую в настоящее время входят все десять стран ЮВА. Ее учредителями в 1967 г. стали Индонезия, Малайзия, Сингапур и Филиппины. Эти страны «следовали курсом на отказ от участия в военных блоках, концентрируя ресурсы на экономическом развитии».<sup>2</sup> В 1984 г. членом ассоциации стал Бруней. К началу 1990-х гг. государства АСЕАН вошли в число новых индустриальных стран (НИС). Кроме Индонезии, Малайзии, Филиппин и Сингапура, в группу НИС влились не входящие в АСЕАН страны и территории — Южная Корея, Тайвань и принадлежавший Великобритании до 1997 г. Гонконг.<sup>3</sup> После завершения «холодной войны» в состав АСЕАН вошли страны Индокитая — Вьетнам (1995 г.), а также Лаос и Мьянма (1997 г.). В 1999 г. Камбоджа стала членом АСЕАН.

---

<sup>1</sup> ASEAN.

<sup>2</sup> Богатуров А.Д. Системная история международных отношений. Т. 3. М., 2003. С. 554.

<sup>3</sup> Там же. С. 554–555.

В число официальных партнеров АСЕАН вошли США, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Корея, а с 1996 г. — Россия и КНР.<sup>4</sup>

В 10 странах ЮВА проживают около 600 млн человек. В настоящее время темпы роста ВВП в регионе составляют более 7%, совокупный объем которого — более 800 млрд долл. США.

### **Общие сведения о регионе и его месте в разведанных запасах нефти**

Значимость углеводородного сырья в современном мире настолько очевидна, что вряд ли нуждается в пространных объяснениях. Успешное и стабильное экономическое развитие региона ЮВА, которому, как казалось в середине 90-х гг. прошлого века, ничего не угрожает, было подорвано финансовым кризисом 1997–1998 гг. Это накалило политическую ситуацию и обострило соперничество в регионе ЮВА, вызвало гонку вооружений и существенные изменения в геополитических процессах. Наличие запасов нефти, а также существенные предполагаемые (но недоказанные) запасы минерального сырья и других ресурсов могут надолго отодвинуть наступление мира и стабильности в этой части света. Следует учесть, что у данных стран существуют лишь ограниченные возможности для того, чтобы эффективно защищать себя от внешней агрессии, а также то обстоятельство, что в ЮВА велика вероятность возникновения внутренних и международных конфликтов между странами региона или сепаратистских движений. Более того, внешние по отношению к региону силы вполне могут провоцировать напряженность вокруг «болевых точек», которых там имеется великое множество.

Как следует из различных источников,<sup>5</sup> зависимость наиболее развитых регионов мира от импорта углеводородов (в первую очередь, нефти и газа) в обозримой перспективе не только сохранится, но еще более усилится. По мнению экспертов, «в настоящее время нефть выступает энергоносителем общемирового значения, газ в основном регионального, уголь — локального».<sup>6</sup> В этом контексте данные ресурсы приобретают важное геополитическое значение. Далее мы со-

<sup>4</sup> Там же. С. 555.

<sup>5</sup> Key world energy statistics 2006. Paris, 2006; Mapping the global future. Report of the national Intelligence Council's 2020 Project. CIA. 2004.

<sup>6</sup> Гончаренко А.В. Мировая энергетика: взгляд на десять лет вперед // Россия в глобальной политике. Том 4. № 6. ноябрь — декабрь 2006. С. 49.

средоточим основное внимание именно на анализе места и роли этих ресурсов в развитии стран АСЕАН.

Нефтегазоносный пояс региона ЮВА протянулся от Верхней Бирмы (Мьянма) и Северного Таиланда через полуостров Малакка к островам Суматра и Калимантан (Индонезия, Малайзия, Бруней).<sup>7</sup> Также считается, что значительные запасы нефти и газа имеются на континентальном шельфе в акватории Южно-Китайского моря.<sup>8</sup> В настоящее время изыскания на предмет наличия углеводородов и оценку их запасов активно ведут почти все страны региона, однако разведка и разработка осложняется острым соперничеством за контроль над островами в этом районе. Претензии Китая, Вьетнама, Тайваня, Филиппин, Малайзии и Индонезии на принадлежность небольших остров неоднократно проявлялись в жестких политических заявлениях и время от времени даже приводили к вооруженным столкновениям.

Следует отметить, что противоречивость данных о запасах углеводородов в ЮВА объясняется неопределенностью суверенитета над нефтеносными районами Южно-Китайского моря. В существующих оценках подтвержденных запасов углеводородного сырья запасы Южно-Китайского моря не учитываются. Возможно, что при более планомерном изучении запасов нефти и газа на континентальном шельфе Южно-Китайского моря предполагаемые запасы углеводородного сырья могут существенно увеличиться, при этом политическая и стратегическая значимость этого района значительно возрастет.

Следует отметить неполноту и противоречивость данных по экспорту и импорту нефти и вообще энергоносителей в странах АСЕАН. Причем это заключение в полной мере относится как к статистическим ежегодникам стран АСЕАН (например, в сборнике за 2005 г. могут быть данные только до 2001-го или даже до 2000 г.), так и к данным, размещенным на сайте ЦРУ, где в таблицах за 2006 г. присутствует информация за разные годы, в том числе за 2001 г.; по большому счету, такие данные не являются сопоставимыми, поскольку в одной таблице содержится информация разных лет. Тем не менее, исходя из сопоставления имеющихся данных (в которые не входят неподтвержденные, но, по экспертным оценкам, значительные месторождения нефти и газа в Южно-Китайском море), можно сделать следующие наблюдения.

В целом в ЮВА имеются значительные различные энергоресурсы. Это запасы нефти, природного газа, каменного угля, гидроэнергии

<sup>7</sup> World energy outlook 2004. 2004.

<sup>8</sup> Coulter D. South China Sea fisheries. Countdown to Calamity. Contemporary South-east Asia. March 1996.

и древесного топлива. Данные по странам ЮВА представлены в таблице 8.1.

**Таблица 8.1. Запасы энергоносителей в странах АСЕАН**

	Запасы нефти (млрд барр)	Запасы газа (трлн куб. футов)	Запасы угля (млн тонн)	Запасы гидроэнергии (МВт)
Бруней	6,0	34,8	-	-
Камбоджа	-	9,9	-	10.000
Индонезия	10,0	169,5	38.000	75.625
Лаос	-	3,6	600	26.500
Малайзия	3,4	84,4	1.025	25.000
Бирма	3,1	12,1	-	108.000
Филиппины	0,3	4,6	346	9.150
Сингапур	0,0	0,0	0,0	0,0
Таиланд	0,2	12,2	1.240	-
Вьетнам	3,2	21,8	3.520	17.566
АСЕАН	26,16	353,0	45.000	270.000

Источник: ASEAN: Statistical Yearbook 2005.<sup>9</sup>

Серьезные подтвержденные запасы нефти имеются (в порядке убывания), по данным ЦРУ, в Индонезии, Малайзии, Брунее, Мьянме, Вьетнаме и Таиланде.<sup>10</sup>

В регионе ЮВА ежегодно добывается свыше 100 млн тонн нефти. В том числе в Индонезии — свыше 70 млн тонн, Малайзии — 32 млн тонн, во Вьетнаме — 15 млн тонн, в Брунее — 9 млн тонн, в Мьянме — до 2 млн тонн. Добыча в остальных странах незначительна.

Согласно официальным статистическим данным секретариата стран АСЕАН (ASEAN Statistical Yearbook 2005),<sup>11</sup> производством сырой нефти в ЮВА занимаются все страны, кроме Камбоджи, Лаоса и Сингапура. Наиболее значительные объемы производства — в Брунее, Индонезии, Малайзии и Вьетнаме.<sup>12</sup>

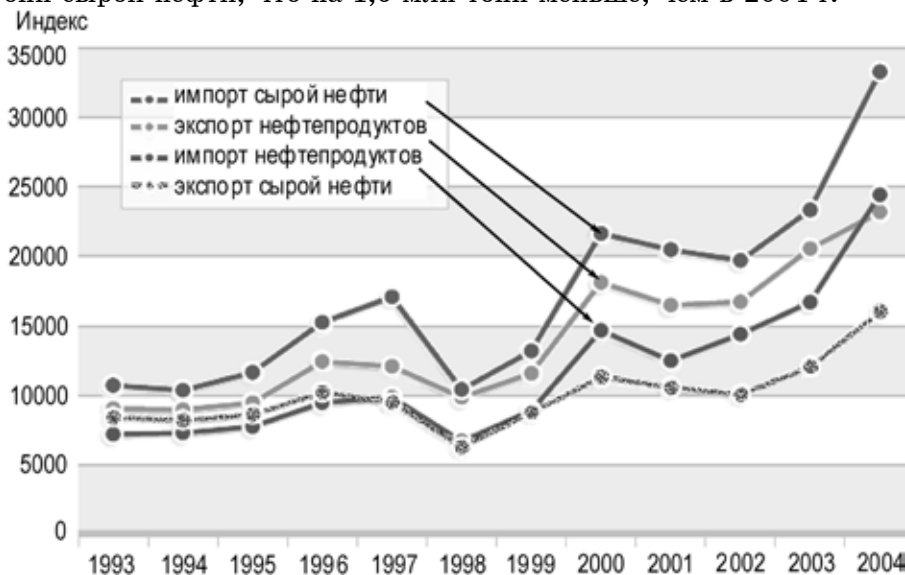
<sup>9</sup> Table XII. 1. ASEAN Energy Resources and Reserves. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 341. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aseansec.org/SYB2005/Chapter-12.pdf>.

<sup>10</sup> CIA — The World Factbook — Rank Order — Oil — proved reserves. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.cia.gov/factbook/rankorder/2178rank.html](http://www.cia.gov/factbook/rankorder/2178rank.html).

<sup>11</sup> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aseansec.org/SYB2005/Chapter-12.pdf>.

<sup>12</sup> Table XII. 2. Crude oil Production, 1996–2001. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 342.

Наиболее крупными региональными экспортерами сырой нефти являются четыре страны АСЕАН (Бруней Даруссалам, Индонезия, Малайзия, Вьетнам),<sup>13</sup> причем с конца 90-х гг. к началу XXI в. проявилась тенденция к уменьшению экспорта нефти, объемы которого упали с 503.679,0 тыс. тонн в нефтяном эквиваленте (1996 г.) до 124.129,0 (2002 г.).<sup>14</sup> Продажа нефти Вьетнамом в 2005 г. выросла на 32% и составила 7,4 млрд долл. На экспорт ушло в 2005 г. 17,97 млн тонн сырой нефти, что на 1,6 млн тонн меньше, чем в 2004 г.<sup>15</sup>



**Рис. 8.1. Экспорт и импорт сырой нефти и нефтепродуктов (страны АСЕАН, млн долл.)**

Источник: ASEAN: Statistical Yearbook 2005.<sup>16</sup>

<sup>13</sup> Table XII. 5. Crude oil Exports and Imports, 1996–2002. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 343.

<sup>14</sup> Увы, качество официальной статистики АСЕАН оставляет желать лучшего. Например, по данным этого источника, то в 1996 г. экспортом занимались указанные выше 4 страны, то в 2002 г. в этом списке осталась только Малайзия. Напротив других стран стоят прочерки. При такой «статистике» непонятно, что же произошло: они прекратили экспорт или нет данных? Следует также отметить, что данные, представленные на сайте АСЕАН, являются устаревшими (на официальном сайте АСЕАН в 2007 г. предлагается статистика лишь 2005 г. с данными по 2001 г.!), что, увы, вообще характерно для доступных данных по энергетике. См.: Crude oil exports and Imports, 1996–2002. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 343.

<sup>15</sup> Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.polpred.com](http://www.polpred.com).

<sup>16</sup> Graphic XII. 1. Trend of ASEAN Export and Import of Crude Oil and Petroleum Products. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 346. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aseansec.org/SYB2005/Chapter-12.pdf>.

Наибольшее потребление нефтепродуктов — в Индонезии, Малайзии, Таиланде и Брунее.<sup>17</sup>

Из графика, приведенного на рис. 8.1, следует, что страны АСЕАН в настоящее время являются чистыми импортерами сырой нефти, причем стоимость ее импорта превышает экспорт почти в два раза. Этот разрыв имеет тенденцию к быстрому увеличению. По нефтепродуктам ситуация характеризуется повышением как экспорта, так и импорта, которые идут очень близко друг к другу. Внутренние потребности энергетики региона в общем не обеспечиваются.

Регион ЮВА в целом является нетто импортером энергии. В приведенной выше таблице учитываются все ресурсы энергии как возобновляемые (гидроэлектроэнергетика), так и невозобновляемые (нефть, газ, уголь). По этому показателю в ЮВА сложилась следующая картина (см. табл. 8.2).

**Таблица 8.2. Производство и импорт энергии в странах АСЕАН**

Страны АСЕАН	Производство энергии (МТОЕ) <sup>1</sup>	Нетто импорт энергии (МТОЕ)
Индонезия	258,01	-83,62
Малайзия	88,52	-31,45
Сингапур	0	47,10
Таиланд	50,10	47,46
Филиппины	23,39	20,74
Бруней	20,77	-18,02
Вьетнам	65,27	-14,34
Лаос	-	-
Мьянма	18,99	-4,94
Камбоджа	-	-
Итого	525,05	-37,07

Источник: Key world energy statistics 2006.<sup>18</sup>

Основная структура экспорта и импорта, представленная ниже, позволяет понять, кто зависит от экспорта стран АСЕАН и от кого, в свою очередь, зависят страны АСЕАН (см. табл. 8.3).

<sup>17</sup> Table XII. 3. Petroleum Product Consumption of ASEAN, 1996–2001. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 342.

<sup>18</sup> Key world energy statistics 2006. Paris, 2006. P. 48–57. (Данные за 2004 г.).

**Таблица 8.3. Покупатели сырой нефти из стран АСЕАН в 2004 г. (в млн долл. США)**

Страны АСЕАН	3.690
Австралия	2.749
Япония	2.730
Южная Корея	2.296
Китай	1.841
Индия	1.182
США	903
Тайвань	255
Новая Зеландия	228
Шри-Ланка	126
Прочие	65
Всего	16.066

Источник: ASEAN: Statistical Yearbook 2005.<sup>19</sup>

Итак, куда прежде всего идет нефть стран АСЕАН и кто же зависит от экспорта стран АСЕАН? С 2000 по 2003 гг. пальму первенства с заметным постоянством между собой делили сами страны АСЕАН и Япония (только в 2004 г. на второе место вышла Австралия). Далее шли Австралия, Южная Корея, Китай, Индия и США. Таким образом, получается, что в Восточной Азии от нефти ЮВА больше всего зависят КНР, Япония и Южная Корея (см. табл. 8.4).

От кого, в свою очередь, зависят страны АСЕАН? Из приведенной таблицы видно, что большую часть нефтепродуктов они стабильно закупают в Саудовской Аравии. Второе место занимает внутрирегиональная торговля. Далее следуют Катар и другие страны Персидского залива. Из этого ясно, что страны ЮВА серьезно зависят от импорта с Ближнего Востока, эффективной работы маршрутов транспортировки и вообще от состояния систем межрегиональных и внутрирегиональных морских перевозок.

В этом контексте понятна заинтересованность стран АСЕАН в более активном участии России в нефтяных делах региона. В частности,

<sup>19</sup> Table XII. 13. ASEAN 6 Major Markets of Petroleum Products, 200–2004. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 347. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aseansec.org/SYB2005/Chapter-12.pdf>.

по сообщению ИТАР-ТАСС в декабре 2005 г. премьер-министр Малайзии Абдулла Ахмад Бадави высоко оценил итоги первой в истории встречи на высшем уровне Россия-АСЕАН и заявил, что одним из приоритетных направлений может стать сотрудничество в топливно-энергетической сфере: «**Россия — крупнейший в мире производитель нефти, а АСЕАН — ее крупнейший потребитель** (выделено авторами — прим. ред.), поэтому стороны должны взаимодействовать в целях поддержания стабильности на рынке энергоносителей».<sup>20</sup>

**Таблица 8.4. Поставщики сырой нефти в страны АСЕАН в 2004 г. (в млн долл. США)**

Саудовская Аравия	6.590
Страны АСЕАН	4.704
Катар	2.053
Кувейт	1.541
ОАЭ	1.486
Иран	1.480
Австралия	1.193
Нигерия	1.074
Оман	522
Китай	493
Прочие	12.162
Всего	33.329

Источник: ASEAN: Statistical Yearbook 2005.<sup>21</sup>

Конечно, здесь мы имеем дело с некоторым риторико-дипломатическим преувеличением: по добыче и тем более экспорту нефти Россия пока еще несколько отстает от Саудовской Аравии, а страны АСЕАН по потреблению нефти далеко отстают от США и ЕС. Тем не менее, доля правды в словах премьер-министра имеется: и Россия, и АСЕАН — крупные игроки на рынке энергоносителей, и страны региона живо заинтересованы в том, чтобы максимально диверсифи-

<sup>20</sup> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rfn.ru/cnews.html?id=76714&tid=15137&sid=9>.

<sup>21</sup> Table XII. 12. ASEAN 6 Major Suppliers (Origin) of Petroleum Products, 200–2004. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 347.



цировать источники сырья и технологий. С точки зрения правительств региона, очевидно: чем больше таких источников, тем меньше вероятность попасть в опасную зависимость от одного из них.

В настоящее время имеются проекты выхода России на энергетические рынки нефти и газа прежде всего стран Северо-Восточной Азии и в перспективе ЮВА. В этом контексте следует упомянуть проекты строительства нефтепровода в Находку, на Сахалин и в Дацин (КНР), а также газопровода в Дацин (с ответвлениями в Харбин, Пекин и Южную Корею), через Комсомольск на Сахалин.<sup>22</sup>

В мире существует несколько «узких мест» (chokepoints), которые играют важную роль в снабжении нефтью как стран ЮВА, так и всей Восточной Азии, значительно более зависимых от импорта нефти (см. приложение, материалы справочника World energy outlook 2004, подготовленного Международным энергетическим агентством). Одно из таких «узких мест» имеется в ЮВА. Речь идет о Малаккском проливе, который соединяет Андаманское море с Южно-Китайским. Он обладает исключительным геополитическим значением, поскольку соединяет ЮВА, а через нее и всю Восточную Азию, с основным нефтедобывающим регионом мира — Персидским заливом. Через пролив проходят 11 млн баррелей в день. Для сравнения: через пролив Босфор проходят «всего» 3 млн баррелей в день. Малаккский пролив уступает по значимости лишь одному «узкому месту» мировой транспортной инфраструктуры — Ормузскому проливу, который соединяет Персидский залив с Оманским заливом (через Ормузский пролив проходят 15,3 млн баррелей в день).<sup>23</sup> Согласно многочисленным прогнозам, экономическое, а следовательно, и геополитическое значение этих проливов в среднесрочной перспективе будет только увеличиваться. Отсюда следует, что, установив контроль над Малаккским проливом и Южно-Китайским морем, можно многого добиться от стран ЮВА и всей Восточной Азии.

Завершая этот раздел, следует отметить, что, согласно экспертным оценкам, в странах ЮВА «самое высокое потребление нефти на доллар ВВП в сочетании с государственным субсидированием внутренних цен на нефтепродукты».<sup>24</sup>

В странах ЮВА имеются также значительные запасы природного газа, которые составляют 353 трлн куб. футов. По этим запасам видное место занимают Индонезия (169,5), Малайзия (84,4), Бруней

<sup>22</sup> International Energy Agency. World Energy Outlook 2004. Paris. 2004. P. 302, 310.

<sup>23</sup> Ibid. P. 120.

<sup>24</sup> [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.olma.ru/archive/2005/week\\_0509.pdf](http://www.olma.ru/archive/2005/week_0509.pdf).

(34,8), Вьетнам (21,8), Таиланд (12,2), Камбоджа (9,9), Филиппины (4,6) и Лаос (3,6).<sup>25</sup>

Индонезия поставляет природный газ в США, Китай, Японию и другие страны региона ЮВА.<sup>26</sup> Неравномерность распределения природного газа в регионе вынуждает строить газопроводы из Индонезии, которая, как отмечалось выше, является основным производителем и экспортером газа в регионе.

В 2002 г. на встрече министров энергетики стран АСЕАН был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросу строительства трансрегионального газопровода. Проект стоимостью 7 млрд долл. планируется завершить к 2020 г. Главную роль экспортера будет играть Индонезия, которая уже доставляет газ по трубопроводам в Малайзию и Сингапур. В настоящее время изучается возможность его доставки в Таиланд.<sup>27</sup>

Индонезия как самая богатая энергетическими ресурсами страна ЮВА привлекает особое внимание России в качестве регионального партнера. В частности, 1 декабря 2006 г. в Москве на встрече президента РФ В.В. Путина и премьер-министра Индонезии обсуждались вопросы координации деятельности в энергетической сфере в регионе ЮВА.

В этом контексте можно вспомнить о таких появившихся проектах строительства газопроводов, ориентированных на рынок ЮВА, как трансафганский (из Туркменистана через Афганистан и Пакистан, из Довлетабада в Гвадар). Однако, несмотря на желание стран-экспортеров выйти на новые рынки сбыта природного газа, постоянная политическая нестабильность в странах транзита откладывает реализацию этих проектов на неопределенное время.

Таким образом, несмотря на наличие богатых углеводородными ресурсами стран в ЮВА, АСЕАН в целом является их нетто-импортером. Связано это с быстрым ростом экономик региона, большая часть которых ориентирована на экспорт. Страны АСЕАН пытаются играть все более важную роль в мировой экономике в качестве производителей товаров массового потребления. Модель экономического развития региона такова, что большая часть промышленных товаров идет на экспорт в ЕС, США и Восточную Азию. В целях снижения зависимости от экспортных квот и произвола со стороны своих экономических партнеров страны АСЕАН ведут диалог о создании региональной зоны свободной торговли АСЕАН+3 (Китай, Япония,

<sup>25</sup> Table XII. 1. ASEAN Energy Resources and Reserves. ASEAN Statistical Yearbook 2005. P. 341.

<sup>26</sup> International Energy Agency. World Energy Outlook. Paris, 2004. P. 143.

<sup>27</sup> [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oilru.com/news/12321/>.

Южная Корея) и АСЕАН+1 (Китай). Этому способствует и появление внутренних платежеспособных рынков большой емкости.

Это привело в середине 90-х гг. к росту политических амбиций региональных политиков. Зримым проявлением этих амбиций стали разговоры об «азиатских ценностях», которые противопоставляются ценностям либеральной демократии западного образца.

Однако страны региона явно не могут согласованно принимать участие в жесткой конкуренции за контроль над другими рынками ресурсов. Более того, в этой конкурентной борьбе их позиции представляются весьма уязвимыми. Самостоятельно решить эти проблемы страны АСЕАН не в состоянии.

Прослеживается такая закономерность: в настоящее время наиболее технологически развитые и самые бедные ресурсами страны региона стоят преимущественно на проамериканских позициях, а самые богатые ресурсами, но менее развитые технологически придерживаются антиамериканских позиций. При анализе возможных сценариев развития ситуации не следует сбрасывать со счетов сценарий, при котором возможен вариант, когда США более всего заинтересованы в усилении давления на богатые ресурсами страны, стремясь таким образом снизить цены на получаемые ими ресурсы. В перспективе к аналогичной политике может прибегнуть и Китай, присутствие которого в регионе растет очень быстро.

В этом контексте особую роль играют геополитика региона, а также специфика существующих систем региональной безопасности.

## **Характеристика политических режимов наиболее значимых стран АСЕАН**

Проблема дальнейшего спокойного развития данного региона усугубляется давлением со стороны внешних сил, которое облегчается его политической, религиозной и культурной раздробленностью. Если посмотреть на наиболее важные страны АСЕАН в порядке значимости фактических запасов и объемов экспорта нефти и газа, то мы получим следующий список: Индонезия, Малайзия, Таиланд, Бруней, Бирма и Вьетнам.

Любопытно заметить, что в справочнике *Fact book 2006*, размещенном на официальном сайте ЦРУ ([www.cia.gov](http://www.cia.gov)), есть такое понятие, как тип правления (*Government type*). Так вот ни одна из перечисленных выше стран, с точки зрения сотрудников ЦРУ, не достойна того, чтобы называться «демократической», в то время как даже

существующая ныне форма правления в Ираке получила в данном документе такое определение, как «переходная демократия» (*transitional democracy*). Похожие результаты дает и ознакомление с ежегодно публикуемым «рейтингом политических свобод», который готовится в известной праволиберальной организации Freedom House. В рейтинге Freedom House существуют три категории: «свободная страна», «частично свободная страна» и «несвободная страна», причем из числа интересующих нас государств только Индонезия описана в этом рейтинге как «свободная страна», Малайзия считается «частично свободной страной» (см. табл. 8.5).

**Таблица 8.5. Американские оценки «демократичности» режимов в странах АСЕАН**

	По классификации ЦРУ	По классификации <i>Freedom House</i> , 1997
Индонезия	республика	свободная страна
Малайзия	конституционная монархия	частично свободная страна
Таиланд	конституционная монархия	несвободная страна
Бруней	конституционный султанат	несвободная страна
Бирма	военная хунта	несвободная страна
Вьетнам	коммунистическое государство	несвободная страна

Источники: [http://www.freedomhouse.org/uploads/press\\_release/fiw07\\_charts.pdf](http://www.freedomhouse.org/uploads/press_release/fiw07_charts.pdf).  
<https://www.cia.gov/redirects/factbookredirect.html>.

Было бы упрощением считать, что эти рейтинги совсем оторваны от действительности, но трудно сомневаться, что они дают представление не только о характере политического режима в той или иной стране, но и об отношении к этому режиму в США и, говоря шире, в странах Запада.

Кратко рассмотрим существующие в регионе политические режимы. Индонезия является президентской республикой. После падения военной диктатуры Сухарто в 1998 г. страна находится в состоянии глубокого политического и экономического кризиса. Центральная власть нестабильна, а на периферии сохраняется постоянная угроза сепаратистских выступлений.

Малайзия формально считается конституционной монархией, хотя на практике значение монарха невелико и решающую роль в политике страны играет премьер-министр. К примеру, премьер-министр

Малайзии Махатхир Мохамад во второй половине 90-х гг., кроме проведения успешных экономических реформ, прославился жесткими антиамериканскими и антизападными высказываниями.

И Малайзия, и Индонезия представляют собой густонаселенные государства с многочисленным исламским населением и с сильными антиамериканскими движениями, которые чаще всего опираются на религиозную идеологию. Хотя заметная часть элит получила образование на Западе и относится к США с немалой симпатией, в целом прямое влияние США на ситуацию в этих двух странах невелико. С другой стороны, китайская диаспора, при всем своем экономическом влиянии, отстранена от принятия политических решений и, как правило, не допускается во властные или силовые структуры.

Таиланд, несмотря на свою политическую нестабильность, наличие политически влиятельной монархии и частые военные перевороты, входит в число традиционных союзников США в регионе еще со времен войны во Вьетнаме. В стране также очень сильна китайская буржуазия, которая имеет давние связи с армией. Тайский монарх обычно остается вне политики, но в случае возникновения кризисной ситуации активно вмешивается в происходящее и, как правило, добивается своего.

Ситуация в султанате Бруней Даруссалам отличается стабильностью, поскольку у власти находится один и тот же султан с 1967 г. Правительство имеет возможность щедро одаривать немногочисленное население, численность которого составляет всего лишь 380 тыс. чел., а ВВП на душу населения (с учетом покупательной способности) составляет внушительную цифру — 23,6 тыс. долл. Показательно, что, несмотря на архаический стиль правления, брунейская монархия никакому давлению со стороны Запада не подвергается. Во многом причиной этого является легкость влияния на местную политическую и экономическую элиту (характерно, что сам султан большую часть времени проводит в Лондоне).

Бирма находится под контролем военной хунты. В прессе стран Запада и США эта хунта обычно описывается как один из самых одиозных и жестоких политических режимов современности. С небольшими перерывами армия в Бирме находится у власти с 1962 г., и авторитарный характер военного режима, действительно, не вызывает сомнений. Тем не менее, в целом подобные оценки представляются преувеличенными (в условиях жестокой диктатуры лидеру оппозиции едва бы позволили жить в относительно комфортных условиях «домашнего ареста», а именно так живет Аунг Сан Су Чжи, многолетний лидер бирманского сопротивления). В среднем течении реки Иравади имеются значительные запасы нефти, которые по причине

хронической политической нестабильности не осваиваются. Главной причиной нестабильности является деятельность многочисленных повстанческих движений. В последние годы в Бирме быстро растет влияние Китая — во многом потому, что США активно поддерживают местную демократическую оппозицию.<sup>28</sup> С другой стороны, большое внимание к Бирме стала в последние годы проявлять и Индия — традиционный соперник Китая. Дели выказывает максимальное уважение бирманскому военному режиму. Побудительных мотивов тут, по меньшей мере, три: желание заручиться поддержкой Бирмы в борьбе с партизанами из племен нага, которые действуют в обеих странах; стремление ограничить китайское влияние в соседней с Индией стране; а также желание обеспечить себе форпост для проникновения в АСЕАН в рамках политики «взгляда на восток» (*look east*).<sup>29</sup>

Вьетнам, или Социалистическая Республика Вьетнам, — единственная крупная страна ЮВА, в которой сохраняется власть марксистско-ленинской партии (другой такой страной является Лаос, но в силу малой численности своего населения и политической зависимости от Вьетнама его трудно рассматривать как самостоятельного игрока). Неудачная попытка установить контроль над этой страной хорошо запомнилась США, вызвав многолетний кровопролитный конфликт (1954–1975), следствием которого стал так называемый «вьетнамский синдром». После вывода войск США установили в отношении Вьетнама торгово-экономическое эмбарго, которое они сняли лишь в 1994 г.

С начала 1990-х гг. во Вьетнаме наблюдается политическая стабильность, бум прямых иностранных инвестиций и устойчивый экономический рост. Проводимые с конца 1980-х гг. экономические реформы в целом следуют китайской модели. Вьетнам входит в число основных региональных экспортеров нефти, которая добывается при участии совместного с Россией предприятия «Вьетсовпетро». В 2005 г. Вьетнам отправил на экспорт 17,97 млн тонн сырой нефти. Доходы Нефтегазовой корпорации Вьетнама («Петровьетнам») составили в том же году 9,5 млрд долл. США.<sup>30</sup>

Помимо местных игроков и внерегиональных великих держав, в регионе существует еще одна автономная группа влияния. Речь идет об этнических китайских общинах. Несмотря на свою относительную малочисленность, хуацяо играют решающую роль

<sup>28</sup> Bert Wayne. Burma, China and the U.S.A. // Pacific Affairs. 2004, № 2.

<sup>29</sup> Egretau Renaud. Wooing the Generals: India's New Burma Policy. New Delhi: Social Sciences and Humanities, 2003.

<sup>30</sup> [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.vietnam.polpred.ru](http://www.vietnam.polpred.ru).

в бизнесе большинства стран ЮВА. Переселение китайцев в страны Южных морей началось еще в XIV-XV вв. Иммигранты, обладавшие развитыми навыками торговли и ремесел, быстро нашли себя на новом месте. Юго-Восточная Азия в те времена жила еще в условиях раннего феодализма, и ее население, соответственно, состояло из многочисленных крестьян и немногочисленных воинов-землевладельцев. Китайские иммигранты со временем практически монополизировали торговлю (особенно международную), многие виды ремесел и, что особенно важно, финансовую сферу, в первую очередь, ростовщичество. Понятно, подобная специализация не способствовала их популярности среди местного населения, это неоднократно подтверждалось китайскими погромами. Понятно и то, что в результате в руках китайских иммигрантов оказались те отрасли, которым принадлежало будущее — индустрия и финансы. Вдобавок именно хуацяо в XVII-XIX вв. первыми нашли общий язык с западными державами и вскоре стали главными посредниками во взаимодействии между европейцами и местным населением. Значительная часть китайцев приняла христианство, что еще более углубило пропасть, отделявшую их от местного населения. Естественно, что между ними и «коренным» населением существует немалая напряженность.

С первых лет независимости государств ЮВА хуацяо подвергаются там вполне официальной дискриминации — например, при поступлении в вузы или приеме на госслужбу (в Малайзии подобная политика не просто признана официально, но даже имеет красивое название — «позитивная дискриминация»). Однако эта дискриминация — и «позитивная», и всякая иная — не подорвала доминирующих позиций этнических китайцев в бизнесе и финансах. Точные оценки влияния хуацяо невозможны, так как китайский капитал не стремится к саморекламе. Однако, как считается, в Индонезии, где китайцы составляют 3–4% населения, они контролируют около 60% всего местного производства товаров и услуг. В Таиланде, где китайское меньшинство — 10% населения, этот показатель равен 50%, а в Малайзии (30% населения) — 60%.<sup>31</sup> Вдобавок этнические китайцы представляют собой очень заметную часть квалифицированных специалистов — инженеров, врачей, управленцев.

В последние годы Пекин значительно усиливает работу в рядах хуацяо, стараясь переориентировать их экономическую деятельность на интересы КНР, а также использовать их как потенциальных

<sup>31</sup> Bolt Paul. China and Southeast Asia's Ethnic Chinese: State and Diaspora in Contemporary Asia. Westport, CT: Praeger Publishers, 2000. P. 23, 25.

агентов влияния в регионе. Наибольшим влиянием этнические китайцы обладают в Сингапуре, Индонезии и Таиланде. Только Вьетнаму удалось решить «китайскую проблему», но для этого Ханюю в 1978–1980 гг. пришлось проводить политику жесткой дискриминации китайских предпринимателей и полной ликвидации частного бизнеса. В результате большинство хуацяо были, в конце концов, вытеснены из страны, а оставшиеся потеряли былое экономическое и политическое влияние. Эта кампания, возможная только в условиях авторитарного режима, привела к тому, что этнические вьетнамцы ныне занимают доминирующее положение в экономике страны, но не следует забывать о немалом ущербе, который такая операция нанесла и без того непростым отношениям Вьетнама и Китая.

### **Попытки создания региональных военных и политических блоков**

Если начинать анализ различных режимов безопасности в XX в., прежде всего следует вспомнить о проекте создания «Великой Восточно-Азиатской зоны сопроцветания», который начали разрабатывать в Токио еще с начала XX в., после победы Японии в русско-японской войне. В период Второй мировой войны японские войска поставили под контроль большую часть ЮВА. Согласно проекту «Великой Восточно-Азиатской зоны сопроцветания», предусматривалось объединение ЮВА и Восточной Азии под эгидой Японии. Данная идея оправдывалась желанием спасти «желтокожих братьев» от эксплуатации со стороны «белых варваров». Кампания шла под лозунгами «Азия для азиатов» и «Долой белых варваров». Эти лозунги поначалу встретили определенное сочувствие в рядах местных националистов, однако иллюзии рассеялись, как только в их странах появились японские войска.

После Второй мировой войны в ЮВА произошло разрушение колониальной системы, и опосредованный контроль над большей частью стран региона перешел к США. Однако образование КНР в 1949 г. также оказало важнейшее влияние на расстановку сил в ЮВА. Связано это было с установлением границы между КНР и Северным Вьетнамом. После этого ДРВ была признана Мао Цзэдуном и Сталиным. Сразу после этого произошла резкая дестабилизация ситуации в северном Вьетнаме — там началась гражданская война, которая закончилась разгромом французского экспедиционного корпуса и разделом Вьетнама вдоль 17-й параллели. После поражения



Франции в ходе Первой индокитайской войны (1946–1954) Вьетнам явился ареной противостояния двух могущественных блоков уже в период «холодной войны». Вьетнам стал «краеугольным камнем» столкновения двух систем.

Активное вмешательство США в Южном Вьетнаме началось с 1954 г., а к началу 1960-х гг. Вашингтон предпринимал все более активные попытки усилить сайгонский режим, быстро терявший популярность. С другой стороны, СССР и КНР также рассматривали коммунистический режим в Ханое как важный плацдарм для распространения своего влияния в регионе. Впрочем, северовьетнамское руководство, несмотря на всю коммунистическую риторику, оставалось, в первую очередь, националистическим по своим целям и не позволяло использовать свою страну в интересах Москвы или Пекина.

В США отдавали отчет в том, что дестабилизация положения в Южном Вьетнаме напрямую связана с переброской из Северного Вьетнама в Южный вооружений и бойцов по «тропе Хо Ши Мина», которая проходила через территорию Лаоса и Камбоджи. Поэтому было принято решение стабилизировать положение путем локального применения американских вооруженных сил. В качестве предлога для начала открытых военных действий был использован Тонкинский инцидент (1964 г.). Так началась Вторая индокитайская война (1964–1975 гг.), которая окончилась поражением США и падением сайгонского режима. Несмотря на то, что основным театром военных действий была территория Вьетнама, войны в целом в западной историографии получили название индокитайских, что в геополитическом плане вполне соответствует действительности, поскольку победитель должен был получить контроль над всем полуостровом.

С начала 1960-х гг. самостоятельным игроком в регионе стал Китай. КНР пыталась усилить свои позиции как в островной части ЮВА (события в Индонезии в 1965 г.), так и на материке (активность в восточной части Индокитайского полуострова). Изначально вьетнамское руководство занимало в советско-китайском конфликте нейтральную позицию, но с начала 1970-х гг. Ханой стал все более активно склоняться на сторону СССР. Это обстоятельство не могло не вызывать раздражения в Пекине. В 1975 г., когда коммунисты взяли власть в Южном Вьетнаме, у Пекина появился союзник в лице Демократической республики Кампучия, власть в которой была тогда же захвачена левыми экстремистами во главе с Пол Потом. Полпотовский режим, один из самых жестоких в мировой истории, вскоре вступил на путь вооруженной конфронтации с Вьетнамом и был, в конце концов, свергнут в результате вьетнамского военного

вторжения. Ответом на это в 1979 г. стало китайское вторжение во Вьетнам, которое завершилось полной неудачей.

В результате к 1980 г. в регионе сложилась антивьетнамская и антисоветская коалиция. Коалиция эта отличалась невероятной пестротой: в нее входили и США, и их местные союзники, и маоистский Китай, и полпотовские ультрарадикалы. Показательно, что ради достижения политических целей все участники коалиции забыли обо всех идеологических различиях. В целом этому разномастному объединению удалось решить свою главную задачу: экспансия советского блока в ЮВА была тогда остановлена. В состав советского блока вошли Вьетнам и, на правах младших партнеров, Лаос и Кампучия, в то время как остальной регион остался под преимущественным контролем США.

Именно США инициировали и попытки создания в регионе военного союза, своего рода местного аналога НАТО. В 1954 г. был создан блок СЕАТО — Организация договора ЮВА (*South East Asia Treaty Organization*). Эта военно-политическая группировка предназначалась для борьбы с левыми и коммунистическими движениями в странах ЮВА, прежде всего во Вьетнаме, и была создана сразу после установления в Южном Вьетнаме проамериканского режима. Договор о ее создании был подписан в Маниле (Филиппины) 8 сентября 1954 г. представителями США, Великобритании, Франции (с 1965 г. стала ограничивать свое участие), Австралии, Новой Зеландии, Таиланда, Филиппин и Пакистана (который в 1973 г. вышел из СЕАТО). В сентябре 1975 г., через три месяца после падения проамериканского режима в Южном Вьетнаме, принято решение о роспуске СЕАТО.

В 1967 г. появилось и сугубо экономическое объединение стран АСЕАН. Этот проект оказался более жизнеспособным, чем СЕАТО. На том этапе своего существования АСЕАН представлял собой блок прозападных режимов, целью которого было сдерживание коммунистического Вьетнама и координация программ экономического развития, которые должны были увеличить стабильность капиталистических режимов региона (известно, что полные желудки подданных являются проверенным и эффективным средством от революции).

Впрочем, как уже говорилось, и Вьетнам, и его противники отнюдь не всегда послушно следовали за своими спонсорами. Как отмечает А.Д. Богатуров: «Десятилетиями страны АСЕАН упрямо отвергали советские и американские приглашения к многостороннему региональному сотрудничеству в области безопасности, опасаясь, что они могут быть подавлены более мощными внешними странами. Ни американские перспективы “тихоокеанского сообщества”, ни совет-

ская идея «системы коллективной безопасности в Азии» не были поддержаны странами региона. Советские и американские проекты были разработаны на основе европейской истории и европейского видения стратегических реалий. Азиатская стратегическая среда с ее уникальным историческим, географическим и культурным фоном не принимала западные модели. «Импортная» природа предлагаемых в Вашингтоне или Москве планов делала их неприемлемыми в Азии». <sup>32</sup>

После окончания «холодной войны» конкуренция за контроль, а также влияние в этом регионе со стороны великих держав существенно ослабли. Практически ушла из региона Россия, да и другие великие державы на какое-то время утратили к нему былой интерес: «большая игра» стала развертываться, в основном, на постсоветском пространстве. В этой обстановке начал постепенно меняться характер блока АСЕАН, который стал уделять все больше внимания вопросам взаимной безопасности: «В середине 90-х гг. изменения претерпел подход малых и средних стран к многостороннему региональному сотрудничеству в вопросах безопасности. Если до этого страны АСЕАН отказывались от любых его форм на многосторонней основе, то к 1995 г. они стали проявлять инициативы по формированию в регионе нежесткой многосторонней структуры, которая позволяла бы в мягких формах регулировать военно-политическую обстановку в АТР». <sup>33</sup>

Тем не менее, межгосударственная интеграция в ЮВА находится на очень низком уровне. Этому мешает многое: традиции взаимного недоверия и соперничества, манипуляции внешних сил, огромные различия в уровне экономического развития, которые существуют между странами региона. Никаких формальных многосторонних договоров по региональной безопасности не существует. Имеется только созданный в 1995 г. Региональный форум АСЕАН (*ARF, ASEAN Regional Forum*). Этот форум, по большому счету, играет роль площадки, на которой ведутся дискуссии по вопросам региональной безопасности, но эти разговоры никого ни к чему не обязывают. Решения принимаются медленно, и даже формально не являются обязательными к выполнению. Однако данный форум представляется в настоящее время единственной региональной организацией, которая позволяет на высоком уровне обсуждать угрозы странам АСЕАН. Его участниками стали десять стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Лаос, Камбоджа

<sup>32</sup> Bogaturov A. *International Relations in Central-Eastern Asia: Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation*. Washington. 2004. P. 12.

<sup>33</sup> Системная история международных отношений. С. 556.

и Мьянма) и государства-партнеры АСЕАН (США, Япония, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южная Корея, Россия, КНР, Бангладеш, Тимор, Папуа Новая Гвинея, Пакистан, Монголия, а также представители Европейского Союза и КНДР).<sup>34</sup>

Кроме того, вопросы безопасности в регионе в ряде случаев регулируются системой двусторонних соглашений с США, прежде всего с Японией и Южной Кореей в Северо-Восточной Азии, а также с Филиппинами и Сингапуром в ЮВА.

Кратко рассмотрев основные системы безопасности, которые когда-либо существовали в ЮВА, можно отметить, что в своем большинстве эти системы находились под пристальным контролем крупных внерегиональных держав, чьи интересы они в первую очередь и отстаивали. Однако, чтобы обеспечить себя возможностями для успешного экономического развития, требуется нечто большее, чем политическая воля и обладание богатыми природными ресурсами. Это тем более справедливо, что при попытках перейти к более независимому политическому курсу страны АСЕАН оказываются в очень уязвимом положении.

После окончания «холодной войны» в эйфории от высоких темпов экономического роста, который, как тогда многим казалось, будет продолжаться едва ли не вечно, одна за другой разрабатывались теории, в соответствии с которыми этому региону уготовано блестящее будущее. Однако реальная ситуация намного сложнее.

Несмотря на достигнутые в середине 90-х гг. успехи и продвижение в экономическом развитии, а также в направлении все большего подстраивания стран АСЕАН друг к другу, они оказались совершенно незащитными перед лицом неожиданно разразившегося финансового кризиса.

## **Финансовый кризис 1997–1998 гг.**

Страны индустриальной Восточной Азии делятся на три довольно непохожие группы. К первой группе «новых индустриальных стран» относятся государства конфуцианской цивилизации: этнически китайские Тайвань, Гонконг и Сингапур, а также Корея, которая в культурном отношении всегда была очень близка к Китаю. Именно за ними закрепилось полшутливое определение «четыре тигра Восточной Азии». Стремительный экономический рост в странах «четверки» начался в 1960–1965 гг. К их инокультурным

---

<sup>34</sup> Информация с сайта Регионального форума АСЕАН, 20 февраля 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.aseanregionalforum.org](http://www.aseanregionalforum.org).

соседям, странам «второй волны» развития, перемены пришли двумя десятилетиями позже, около 1980 г., когда буддийский Таиланд и мусульманские Малайзия и Индонезия, долгое время считавшиеся экономически бесперспективными, стали неожиданно показывать признаки развития. Еще позже, в середине и конце 1980-х гг., дали свои результаты реформы в Китае и во Вьетнаме — странах, которые, формально оставаясь коммунистическими, на деле приступили к энергичному строительству капитализма.

В целом экономическая политика «тигров» первой волны — Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга — имела много общего. Все страны «четверки» были лишены запасов полезных ископаемых, но зато в их распоряжении имелись «запасы» дешевой и дисциплинированной рабочей силы. Столетия и тысячелетия упорного труда на рисовых полях, а также традиционное конфуцианское воспитание с его установками на образование, дисциплину и конформизм, в течение веков сформировали уникальный «дальневосточный характер». Его чертами являются трудолюбие, готовность сносить лишения и выполнять приказы, ориентация на семейные ценности, культ образования и социального успеха. Здравый смысл подсказывал, что наилучшим решением для этих стран будет создание экспортно-ориентированной экономики, превращение их в своего рода «страны-фабрики», которые импортировали бы сырье и экспортировали готовую продукцию, созданную дешевым трудом местных рабочих.

При этом «новый азиатский капитализм» везде был далек от либерального идеала, государство вмешивалось в экономику активно и бесцеремонно. Другая особенность «первой волны» заключалась в том, что все «тигры» совершали свой рывок под руководством авторитарных режимов.

Перемены, произошедшие в Восточной Азии в 1960–1990 гг., действительно заслуживают наименования «чуда». В 1965–1990 гг. в новых индустриальных странах Восточной Азии среднегодовой рост ВВП составил 5,5%, в то время как аналогичный показатель для стран-членов ОЭСР, то есть развитых капиталистических государств, был в два с лишним раза ниже — 2,5%.<sup>35</sup> В результате ВВП на душу населения, который в 1960 г. находился где-то на уровне Нигерии и Эфиопии, приблизился к европейскому уровню, а в отдельных случаях и превзошел его. Например, Сингапур (ВВП 29,5 тыс. долл. на душу населения в 2006 г.) по этому показателю сейчас близок к большинству наиболее развитых стран Западной Европы.

---

<sup>35</sup> Barrell Ray, Anderton Bob, Lansbury Melanie, Sefton James. Feers for the Nics // Exchange Rate Policies in Emerging Asian Countries. London: Routledge, 1999. P. 245.

Развитие государств «второй волны» началось позднее и протекало в других условиях. Таиланд, Малайзия, Индонезия находятся за пределами конфуцианского культурного ареала, и традиции, в том числе и трудовые, там совсем иные, чем в странах «первого эшелона». В этих странах реальную работу делали менеджеры и предприниматели-китайцы (часто под формальным руководством зиц-председателей из числа местных жителей), а политическое прикрытие им обеспечивали местные авторитарные режимы.

Отношения между властями и предпринимателями были стары как мир: купцы платили правителям мзду, а правители за это давали им заниматься бизнесом. Понятно, что определяющую роль играл при этом доступ к верхам. Те бизнесмены, у кого такой доступ имелся, могли рассчитывать на то, что именно им достанутся выгодные заказы, а также кредиты банков, контролируемых правительствами. Большинство компаний, в том числе и самых крупных, являлись семейной собственностью (часто при участии «нужных людей» из властных структур), и семейные кланы неохотно шли на акционирование своих фирм, боясь потерять над ними контроль. Главным источником финансирования бизнес-проектов становился кредит, который при условии хороших отношений с властью было получить легко. Результатом стал громадный рост задолженности компаний.

Вдобавок часто заводы или небоскребы строились для того, чтобы решить те или иные политические задачи (например, создать рабочие места в родной провинции президента) или исключительно из соображений престижа. Иногда и сами бизнесмены принимали рискованные решения, оказавшиеся, как мы теперь знаем, ошибочными. Например, в Таиланде, где экономический бум привел к резкому росту цен на недвижимость, в середине 1990-х гг. огромные суммы вкладывались в строительство офисных зданий. Расчет был на то, что потребность в офисных помещениях и цены на них будут и далее расти такими же темпами. Поскольку правительственный контроль над банковскими операциями был слаб (а для «уважаемых людей» банкиры забывали даже о существующих ограничениях), банки часто выдавали кредиты ненадежным заемщикам. В случае с компаниями, которые были связаны с властями, у банкиров существовала уверенность в том, что при необходимости правительство возьмет на себя их долги. Наконец, рост экономики, казалось, оправдывал самые рискованные решения. В результате доля кредитов, по которым более не выплачивались проценты (*non-performing loans*), на конец 1997 г. состави-

ла 7,2% всех кредитов в Индонезии, 5,9% в Малайзии и 22,6% в Таиланде.<sup>36</sup>

Рискованные решения банкиров вполне можно понять. К середине 1990-х гг. достижения Восточной и Юго-Восточной Азии действительно выглядели впечатляюще. Ситуация превосходила самые смелые надежды реформаторов конца 1970-х гг. В предкризисном 1996 г. ВВП на душу населения в Малайзии достиг 4370 долл. (примерно уровень Венгрии), а в Таиланде — 2960 долл.

Однако ликование продолжалась недолго. 1997 г. стал годом финансовой катастрофы, «азиатского кризиса». Кризис начался в Таиланде. Для внимательного наблюдателя ослабление экономических позиций этой страны было очевидно уже в 1995–1996 гг. Реальный сектор испытывал серьезные проблемы, в том числе и в результате быстрого роста зарплат, который опережал рост производительности труда и делал трудоемкие сектора экономики неконкурентоспособными на западных рынках перед лицом дешевого китайского экспорта. В этих условиях валюты стран ЮВА — и в первую очередь, тайский бат — в начале 1997 г. стали объектом спекулятивных атак. Самая серьезная из них произошла в мае. Поначалу Центральному банку удавалось отбивать наскоки международных валютчиков, но за это приходилось платить слишком дорого. По свидетельству Ли Куан Ю, только при отражении первой атаки на тайский бат ЦБ этой страны израсходовал 23 млрд долл., после чего был вынужден пойти на девальвацию валюты.<sup>37</sup> Всего для обвала валют наиболее развитых стран ЮВА, согласно данным из той же книги, было использовано около 900 млрд долл.<sup>38</sup>

2 июля 1997 г. Центральный банк Таиланда, истратив к тому времени упомянутые 23 млрд долл., объявил о введении свободного курса тайской валюты. Как и следовало ожидать, бат начал падать, и к концу года курс достиг 50–53 бат за доллар (вместо 25–26 в начале года). Это был тяжелейший удар для компаний, которые были заняты в кредитных операциях. Резко упали котировки акций на бирже и цены на недвижимость. Традиционно высокий уровень задолженности тайских компаний неожиданно стал острой, а порой и просто неразрешимой проблемой.

<sup>36</sup> Masahiro Kawai. Bank and Corporate Restructuring in Crisis-Affected East Asia: from Systemic Collapse to Reconstruction // Financial Markets and Policies in East Asia. London: Routledge, 2002. P. 84.

<sup>37</sup> Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира» — в «первый» (1965–2000). М., 2005.

<sup>38</sup> Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История стран Юго-Восточной Азии. М., 2004. С. 406.

В считанные дни кризис перекинулся на другие страны ЮВА. К концу июля началось обвальное падение валюты в Малайзии. Курс малайского ринггита, который долгое время находился на уровне 2,5 ринггита за доллар (MR/\$), начал быстро снижаться и к концу года достиг 5 MR/\$ — со всеми вытекающими последствиями. Премьер-министр Махатхир немедленно обвинил в этом «международный еврейский капитал» и лично Дж. Сороса. В августе ухудшилась ситуация в Индонезии. Курс национальной валюты стал катастрофически снижаться и к концу года упал с 2500 до 7000 рупий за доллар (в 1998 г. падение продолжилось и курс некоторое время находился на отметке 17000 рупий за доллар). Южная Корея сперва оставалась в стороне от кризиса. Однако в ноябре началось падение корейской воны: с уровня 800–900 вон за доллар ее курс снизился до 1500–1600 вон за доллар.

Ситуацию усугубил и отток иностранных капиталов. Иностранные инвесторы, которые до этого активно вкладывали средства в экономики Юго-Восточной и Восточной Азии, запаниковали и бросились спасать свои капиталы — благо интернет, современные средства связи и финансовые технологии существенно упрощают и ускоряют этот процесс. В результате в 1997 г. отток частного капитала из ЮВА и Кореи составил 12 млрд долл., в то время как в предшествовавшем 1996 г. частные инвестиции в эти страны составили 93 млрд долл.<sup>39</sup>

На помощь поспешили МВФ и Всемирный банк. Уже в июле-августе 1997 г. МВФ предоставил пакет помощи Таиланду (17,2 млрд долл.). За ним последовали аналогичные стабилизационные пакеты, предоставленные Индонезии (42,3 млрд долл.) и Южной Корее (58,4 млрд долл.). Помощь предоставлялась на условиях проведения реформ — в первую очередь, в финансовой и банковской сферах.

Кризис 1997 г. привел к тому, что бывшее некритически восторженное отношение к новым индустриальным странам на несколько лет сменилось не менее некритическим скептицизмом. Пошли разговоры о «конце азиатского чуда», о том, что экономический рост в Восточной Азии носил экстенсивный характер и не сопровождался адекватным ростом производительности труда. Героем дня на какое-то время стал американский экономист Поль Кругман, который на протяжении многих лет говорил о том, что «восточно-азиатское чудо», дескать, является «дутым» изначально. В течение нескольких лет было модным утверждать, что успехи стран Вос-

<sup>39</sup> Описание кризиса см.: Winters Jeffrey. The Financial Crisis in Southeast Asia // Politics and Markets in the Wake of the Asian Crisis. London: Routledge, 2000; Chung H. Lee. Financial Liberalization and the Economic Crisis in Asia // London: Routledge, 2003.



точной Азии стали результатом уникального, но краткосрочного сочетания исторических обстоятельств. Скептики были уверены в том, что с Юго-Восточной и, возможно, даже Восточной Азией как с важнейшим игроком мировой экономики покончено надолго, если не навсегда. Считалось, что выздоровление будет продолжительным, займет многие годы и едва ли принесет возвращение к былым темпам роста.

Однако сейчас ясно: эти прогнозы не оправдались. Выздоровление было достигнуто куда быстрее, чем в 1997–1998 гг. предсказывали даже самые закоренелые оптимисты, не говоря уж о скептиках, — настолько быстро, что кое-кто рассуждает о «втором азиатском чуде». Относится это даже к наиболее пострадавшим от кризиса странам — Индонезии, Малайзии, Таиланду. Фактически после 2000 г. экономический рост в регионе продолжается прежними высокими темпами. Так, в 2005 г. темпы реального роста ВВП составили 5,6% в Индонезии, 5,3% в Малайзии, 4,5% в Таиланде и 8,4% во Вьетнаме.<sup>40</sup>

Тем не менее, кризис имел немалые последствия. В результате «доверие элит к Западу в ходе кризиса оказалось под очень серьезным давлением, ибо их самолюбие было уязвлено неприкрытым западным диктатом, проводником которого являлся МВФ».<sup>41</sup> Часто утверждается, что выполнение рекомендаций МВФ в период ликвидации кризиса нанесло ущерб излишне «послушным» режимам. Это не совсем так — с наибольшим успехом преодолела кризис Южная Корея, которая как раз исполняла указания МВФ с максимальной пунктуальностью. Однако нельзя не признать, что кризиса смогли избежать более закрытые в экономическом отношении режимы: ни Китай, ни Вьетнам кризис совершенно не затронул. В силу этого популярность либеральной экономической модели в регионе немало пострадала. Как отмечают по этому поводу российские исследователи, «система партийно-доминирующей власти оказывается вполне эффективной. Она обеспечивает стране стабильность, дает относительную безопасность... иностранным инвесторам и в целом позволяет Вьетнаму занимать второе после Китая место в Азии по темпам экономического роста».<sup>42</sup>

<sup>40</sup> Данные Азиатского банка развития, доступные на его сайте:  
[http://www.adb.org/Documents/Reports/Annual\\_Report/2005/part010600.asp](http://www.adb.org/Documents/Reports/Annual_Report/2005/part010600.asp);  
[http://www.adb.org/Documents/Reports/Annual\\_Report/2005/part010900.asp](http://www.adb.org/Documents/Reports/Annual_Report/2005/part010900.asp).

<sup>41</sup> Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 15.

<sup>42</sup> Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004. С. 447.

## Соперничество внерегиональных держав в ЮВА

На протяжении последнего десятилетия интерес к ресурсам — в первую очередь, к ресурсам энергетическим — заметно вырос, и рекордный уровень цен на нефть, стабильно сохраняющийся в последние годы, является лишь еще одним подтверждением этого феномена. Согласно прогнозам ЦРУ, до 2015 г. зависимость мировой экономики в первую очередь от нефти, во вторую — от газа будет не только сохраняться, но и увеличиваться.<sup>43</sup> А значимость Ближнего Востока как важнейшего источника энергии в мире будет еще более высокой.<sup>44</sup> В то же время рост исламского фундаментализма и продолжение арабо-израильского конфликта практически гарантируют, что этот важнейший регион останется потенциально нестабильным. Вероятный провал американского нападения на Ирак тоже в немалой степени ухудшит ситуацию на Ближнем Востоке. В этой обстановке представляется возможным и даже неизбежным, что роль альтернативных производителей — России, Казахстана, стран ЮВА и Южной Америки — значительно возрастет.

Помимо нефти и природного газа, на территории ЮВА содержится большое количество иных природных ресурсов. Кроме того, через ЮВА проходят важнейшие пути международного транзита — в частности, пути, по которым ближневосточная нефть доставляется в страны Северо-Восточной Азии и Китай. В то же время большинство стран региона бедны и достаточно слабы, сталкиваются с серьезными внутренними противоречиями и во многих случаях даже не в состоянии эффективно контролировать собственную территорию. Сам по себе регион тоже разобщен, в нем нет ни четко выраженной державы-гегемона, ни эффективной системы коллективной безопасности и экономической интеграции. Все это превращает ЮВА в идеальный плацдарм для соперничества великих держав, которые имеют бесчисленные возможности играть на тех реальных и потенциальных конфликтах, которые существуют как между странами региона, так и внутри них. Наиболее простыми способами влияния являются поддержка сепаратистских движений, которых в ЮВА существует более десятка, и поддержка оппозиционных групп, но есть и более тонкие способы оказания влияния на ситуацию.

После окончания Второй индокитайской войны в 1975 г. определяющим влиянием в регионе пользовались США и СССР, хотя

---

<sup>43</sup> Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts. CIA. 2000. P. 30.

<sup>44</sup> Ibid. P. 63.

контроль последнего над Вьетнамом был относительно слабым (Ханой всегда оставался независимым игроком). Распад СССР и почти полный уход России из ЮВА, однако, не привели к установлению американской монополярной гегемонии в регионе. Главной причиной этого стало интенсивное проникновение туда Китая.

Пекин в последние годы также предпринимает колоссальные усилия, направленные на увеличение своего влияния в регионе. Эта борьба является составной частью глобального соперничества США и Китая, причем одним из движущих мотивов такого соперничества становится именно стремление обеспечить льготный доступ к ресурсам — в первую очередь, энергетическим: «Переломным моментом в отношениях стран АСЕАН и Китая можно считать события, связанные с финансово-экономическим кризисом 1997–1998 гг. Китай сумел проявить себя крайне позитивно в глазах правящих элит стран АСЕАН, он не девальвировал юань и оказал даже довольно значительную помощь особо пострадавшим от кризиса странам».<sup>45</sup> При этом, как отмечают эксперты, «власти в Пекине преследуют не столько экономические, сколько политические цели».<sup>46</sup>

В настоящее время главными мотивами внешних по отношению к региону игроков является стремление обеспечить привилегированный доступ к ресурсам и, по возможности, приобретать их по льготным ценам. Некоторую роль играет и стремление контролировать транспортные пути, проходящие через регион. Ведущими игроками, как уже говорилось, являются США и Китай, но некоторую роль играют также Индия, Япония и Южная Корея (впрочем, последние две страны ограничиваются, в основном, экономическим проникновением и не ставят серьезных политических задач). Дополнительными факторами, которые влияют на политику США в регионе, являются стремление ограничить геостратегическое влияние КНР и, в самое последнее время, противостоять исламскому фундаментализму. При этом США активно используют правозащитную и демократическую риторику: чем меньше возможностей влияния на тот или иной режим, тем больше обвинений раздается в его адрес со стороны Вашингтона. Из стран АСЕАН это прежде всего касается Бирмы и Вьетнама.<sup>47</sup> С другой стороны, политика Китая основана

<sup>45</sup> Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 15.

<sup>46</sup> Там же. С. 12.

<sup>47</sup> Вот список стран, положение с правами человека в которых требует, с точки зрения Государственного Департамента США, «особого внимания»: Бирма, Китай, Эритрея, Индия, Иран, Северная Корея, Пакистан, Саудовская Аравия, Судан, Тур-

на откровенно прагматическом подходе: характер того или иного режима полностью игнорируется, и Пекин даже не пытается как-то идеологически обосновывать свои усилия, направленные на расширение влияния в регионе. Единственным исключением является активное использование местных хуацяо, работа с которыми строится на апелляциях к их этническому патриотизму.

В настоящее время КНР, реализуя линию Китай + АСЕАН, активно выстраивает в ЮВА ориентированную на себя зону свободной торговли, одновременно «выдавливая» из региона США. По мнению Д.В. Мосякова, «если внимательно проанализировать китайскую политику в регионе, то можно обнаружить очень значительные политические интересы, реализация которых зависит, в первую очередь, от темпов и успешности в создании зоны свободной торговли, то есть ситуации, когда страны АСЕАН окажутся в зоне доминирующей зависимости от китайского рынка, китайских инвестиций и капиталов».<sup>48</sup>

Напомним, что Китай воспользовался плодами политики США в конце 90-х гг., а также тем страхом, который нагнала на элиты стран АСЕАН американская «антитеррористическая кампания» в Ираке, ситуация в Северной Корее и пр. По словам Д.В. Мосякова, «Китай перешел к реализации иного плана действий, смысл которого состоит не в том, чтобы путем военных акций захватить слабо защищенные участки региона ЮВА, а в том, чтобы поставить страны ЮВА в такое положение, когда Китаю для достижения своих целей даже не понадобится прибегать к военно-полицейским мерам. Поэтому, вместо конфронтации и противостояния правящим режимам в странах ЮВА, Китаем был сделан поворот в направлении поиска большего доверия, установления с ними самых разнообразных связей и зависимостей».<sup>49</sup> При этом Китай опирается на те новые возможности, которые ему дает стремительный экономический рост. Как указывает Д.В. Мосяков, «если до кризиса в страны ЮВА приходило до 60% всех прямых инвестиций в Азию, то после кризиса эти цифры стали относиться уже к Китаю... а доля стран АСЕАН резко кменистан, Вьетнам. Политически-энергетический подход тут явно превалирует. Нет сомнений в авторитарно-диктаторском характере большинства перечисленных режимов, однако легко заметить, что многие из них в этом отношении не очень отличаются от соседей (например, режимы в Сирии, Египте, да и вообще во многих государствах Ближнего Востока куда жестче, чем, скажем, столь нелюбимый Вашингтоном режим в Иране).

<sup>48</sup> Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайской современной политики в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 12.

<sup>49</sup> Там же. С. 14.

снизилась и составила чуть больше 14%». <sup>50</sup> Западный капитал ушел с нестабильных и во многом непонятных рынков ЮВА, а его место медленно, но верно стали занимать растущие китайские инвестиции. Китай все более откровенно рассматривает регион как своего рода «ближнее зарубежье» и «естественную» сферу своих интересов.

Дж. Мearшеймер, профессор международных отношений из Чикагского Университета, пишет по этому поводу: «Китай, вероятно, постарается доминировать в Азии в той же степени, в которой США доминируют в Западном полушарии. Китай постарается максимально увеличить разрыв в государственной мощи между собой и соседними державами, в особенности Россией и Японией. Китай хочет быть уверенным в том, что он мощен настолько, что никакое другое государство в Азии не решится бросить ему вызов. Усиливающийся Китай, скорее всего, попытается вытеснить США из Азии — подобно тому как Америка в свое время вытеснила европейские великие державы из Западного полушария». <sup>51</sup>

Дж. Мearшеймер предполагает, что усиление Китая приведет к конфликтам в регионе. Действительно, Соединенные Штаты не собираются оставлять свои позиции без сопротивления: «Китай воспринимается администрацией Буша в качестве стратегического конкурента и держава, по отношению к которой следует применить политику сдерживания». <sup>52</sup> При этом Вашингтону не так трудно найти союзников как внутри региона, так и за его пределами. В то же время сами страны ЮВА слишком слабы, чтобы самостоятельно противостоять интригам великих держав. Бывший премьер-министр СРВ Во Ван Киет образно и точно описал ту ситуацию, с которой сейчас сталкивается Вьетнам, да и другие государства региона: «Мы живем в регионе, который окружен несколькими тиграми и одним драконом, а сохраняющаяся отсталость нашей страны представляет собой важнейшую угрозу безопасности нации». <sup>53</sup>

Помимо США и Китая, интерес к региону проявляет Япония. В целом, однако, Япония движется в фарватере США, и интерес этот носит, в основном, экономический характер. Периодически выдвигаемые предложения объединиться под эгидой Японии воспринимаются в регионе ЮВА как желание США выдвинуть на эту роль

<sup>50</sup> Там же. С. 11–12.

<sup>51</sup> Mearsheimer John. China's Unpeaceful Rise // Current History. April 2006, № 690; p. 163.

<sup>52</sup> Goldstein L. Vietnam's maritime security environment // EUROVIET V. Book of papers. St. Petersburg. 2004. P. 25.

<sup>53</sup> Цит. по: Vuving Alexander. Strategy and Evolution of Vietnam's China Policy: A Changing Mixture of Pathways // Asian Survey. 2006, № 6. P. 808.

своего союзника, а также вызывают ассоциации с давним проектом создания «Великой Восточно-Азиатской зоны сопроцветания», который пытались реализовать в Токио еще в период Второй мировой войны. Японская оккупация надолго запомнилась многим странам ЮВА, и ее тень еще долгое время будет отравлять отношение к Японии в регионе.

Еще одной внерегиональной державой, которая потенциально заинтересована в усилении своего влияния в регионе, является Индия. Быстрый экономический рост и громадный демографический потенциал делают эту державу важным геополитическим игроком. Как известно, Индия весьма подозрительно относится к Китаю, и не слишком довольна усилением его позиций в ЮВА, которую в Дели тоже считают «районом естественных интересов». С конца 1990-х гг. Дели осуществляет политику «взгляда на Восток» (*look east*), предусматривающую наращивание индийского присутствия в регионе. Показательно, что военный аспект играет немалую роль в этой политике. В частности, в 2000 г. флоты Индии и Вьетнама провели совместные маневры в Южно-Китайском море, а в 2001 г. между этими странами было подписано соглашение о сотрудничестве в области ядерных исследований.<sup>54</sup> Официально целью маневров считалась «борьба с пиратством», а ядерное сотрудничество описывается как «мирное», однако партнером Индии выступила потенциально наиболее сильная и наиболее антикитайская страна региона.

Представляется, что Вьетнам играет ключевую роль в судьбах ЮВА. Это страна с большим демографическим потенциалом, высокой трудовой культурой, рекордными темпами экономического роста, сформировавшейся национальной идентичностью. Следует также отметить исключительно важное стратегическое положение Вьетнама в регионе — на границе материковой и островной частей ЮВА. Установление контроля над этой страной в перспективе может принести политические выгоды исключительной значимости. Однако это очень не просто сделать, поскольку в этой стране сходятся интересы многих региональных держав. Не следует сбрасывать со счетов также жесткое отстаивание национальных интересов местными политиками, которые имеют богатый опыт противостояния давлению и манипуляциям великих держав.

В настоящее время Вьетнам оказался на переднем крае американо-китайского соперничества. СРВ с настороженностью относится к попыткам Пекина усилить свое влияние в регионе. Несмотря на

<sup>54</sup> Garver John. The Future of the Sino-Pakistani Entente Cordiale // South Asia in 2020: Future Strategic Balances and Alliances. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, 2002. P. 423.

продолжающееся использование коммунистической фразеологии, реальной основой легитимности ханойского режима является национализм. Подобно другим авторитарным режимам региона, вьетнамская номенклатура остается у власти в первую очередь потому, что в глазах простого вьетнамца Ханой эффективно защищает национальные интересы, обеспечивает стабильность и высокие темпы экономического роста. В силу исторических и внешнеполитических причин вьетнамский национализм носит антикитайский характер, и не случайно официальная вьетнамская историография стремится представить историю страны как цепь побед над коварными агрессорами с севера. Это настороженно-враждебное отношение к Пекину объективно делает Вьетнам потенциальным союзником США в регионе.

Однако память об относительно недавней войне и идеологические соображения ведут к тому, что между Вашингтоном и Ханоем сохраняются немалые противоречия. Важную роль играет в этом и вьетнамская диаспора в США, которая, в основном, состоит из бывших функционеров и сторонников свергнутого в 1975 г. сайгонского режима и членов их семей. Численность ее весьма велика — по данным Бюро переписей США, на 2000 г. в Америке проживало около 1,12 млн вьетнамцев.<sup>55</sup> Вьетнамская диаспора добилась впечатляющих успехов, ее представители занимают все более заметные позиции в американском обществе и пользуются там все большим экономическим и политическим влиянием, но ее отношение к ханойскому режиму остается в целом негативным (хотя некоторые этнические вьетнамцы активно инвестируют в экономику СРВ).

В этом отношении показательным представляется эпизод, имевший место весной 2004 г. Тогда администрации городов Вестминстер и Гарден Гров в Калифорнии объявили их «свободной от коммунизма зоной», что на практике означало запрет на посещение района представителями Ханоя. Было даже заявлено, что безопасность таких визитеров «не может быть гарантирована». Решение это, напоминающее о самых дремучих временах «холодной войны», было принято для того, чтобы заручиться поддержкой местной вьетнамской эмигрантской общины, важнейшими центрами которой являются эти города, в которых этнические вьетнамцы составляют большую часть избирателей. Попытка вывесить флаг «красного Вьетнама», предпринятая в 1999 г. владельцем местного пункта видеопроката, привела там к массовым демонстрациям.<sup>56</sup>

<sup>55</sup> Данные переписи 2000 г. доступны на официальном сайте Бюро переписей США <http://www.census.gov/prod/cen2000/dp1/2kh00.pdf>.

<sup>56</sup> Welcome to Our Cities, Unless You're Communist. // Los Angeles Times, 28 апреля 2004.

Вьетнамская эмиграция и значительная часть американских политиков неоконсервативного толка стремится дестабилизировать нынешнее ханойское руководство и мечтает о «цветной революции» во Вьетнаме. В Ханое хорошо знают о такой опасности. Не случайны в этом контексте многократные упоминания «враждебных сил», которые, согласно заявлениям вьетнамских руководителей разного уровня, «пытаются разрушить национальное единство». В частности, на X съезде КПВ весной 2006 г. в политическом докладе генеральный секретарь КПВ Нонг Дык Мань отметил, что вьетнамские власти будут «решительно разрушать замыслы и деятельность, фальсифицирующую и использующую вопросы “демократии”, “прав человека”, “национальности”, “религиозного”, в целях вмешательства во внутренние дела, нарушения независимости, суверенитета, территориальной целостности, безопасности и политической стабильности Вьетнама». <sup>57</sup> В том же документе отмечается, что «враждебные силы продолжают осуществлять замыслы “мирной трансформации”, вызывают беспорядки и [предпринимают] попытки свержения власти, используют карту “демократии”, “прав человека”, стремясь изменить политический режим в нашей стране». <sup>58</sup>

С другой стороны, объективная ситуация толкает США и Вьетнам к сближению, направленному на сдерживание быстро растущего Китая. История вообще — и история ЮВА в особенности — хорошо показывает, что геополитические или экономические интересы, как правило, оказываются сильнее идеологических установок — будь то призывы к «демократии» или к «коммунизму». В нынешней ситуации Вашингтону, пожалуй, выгоднее не замечать авторитарного характера нынешней власти в Ханое, так как стабильный Вьетнам крайне важен для сдерживания китайского проникновения в ЮВА. Однако не ясно, какой подход возьмет верх в Вашингтоне. Впрочем, и в Ханое тоже не могут определиться, как же следует относиться к Китаю: как к гегемонистскому соседу или как к идейному союзнику, который может предоставить гарантии против внутренних смут. <sup>59</sup> С другой стороны последовательная американская поддержка разного рода сепаратистских движений, а также активная дея-

---

<sup>57</sup> Báo cáo chính trị của Ban Chấp hành Trung ương Đảng khoá IX tại Đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ X của Đảng. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.cpv.org.vn/tulieudang/details.asp?topic=168&subtopic=8&leader\\_topic=699&id=BT1960657802](http://www.cpv.org.vn/tulieudang/details.asp?topic=168&subtopic=8&leader_topic=699&id=BT1960657802).

<sup>58</sup> Ibid.

<sup>59</sup> Подробнее об изгибах политики Вьетнама см.: Vuving Alexander. Strategy and Evolution of Vietnam's China Policy: A Changing Mixture of Pathways // Asian Survey. 2006, № 6.



тельность по защите «прав человека» и «свободы вероисповедания» во Вьетнаме свидетельствует о другом.

В связи с этим отдельного внимания заслуживает предложенный известным политологом и публицистом С. Хантингтоном сценарий, согласно которому третья мировая война начнется в Восточной Азии именно с локального конфликта во Вьетнаме. Толчком к конфликту в этом сценарии становится борьба за нефтяные месторождения в спорных районах Южно-Китайского моря.<sup>60</sup> Любопытно, что книга Хантингтона в переводе на вьетнамский<sup>61</sup> была издана в Ханое в 2003 г., однако в тексте перевода отсутствует описание этого сценария. В переводе имеет место «скачок», в результате чего из текста выпало несколько страниц, соответствующих 313–316 (четыре страницы) оригинального текста или стр. 516–523 (восемь страниц) русского перевода книги С. Хантингтона. По-видимому, цензура сочла эту часть текста излишне острой.

Хотелось бы надеяться, что крупномасштабной войны на стыке СВА и ЮВА не хочет никто. Мелкие и «контролируемые» конфликты — другое дело, тем более что оба главных соперника — и Китай, и США — имеют немалый и успешный опыт разжигания и поддержания именно таких мелких конфликтов в регионе ЮВА. Могут найтись и иные желающие — к сожалению, ситуация в регионе очень тому способствует.

## **Природа потенциальных конфликтов. Угрозы мирному развитию региона**

Среди потенциальных угроз мирному развитию региона следует отметить сохраняющуюся напряженность в акватории Южно-Китайского моря, связанную со спорами о суверенитете над двумя архипелагами, которые известны как острова Спратли и Парасельские острова.

Наиболее важными претендентами на острова являются Вьетнам, Китай и Тайвань. Кроме того, о своих претензиях на те или иные части архипелага островов заявили и другие страны региона: Бруней, Малайзия и Филиппины. Каждая из этих стран, за исключением Брунея, на настоящий момент контролирует хотя бы часть архипелага, состоящего из сорока с лишним островов. Самый крупный остров архипелага с 1956 г. находится под контролем Тайваня.

<sup>60</sup> Huntington S. *The Clash of Civilizations*. New York. Simon and Schuster, 1996. P. 312–313.

<sup>61</sup> Huntington S. *Sự va chạm của các nền văn minh*. NXB Lao Động. HN. 2003.

В 1975 г., когда войска Северного Вьетнама были заняты операциями в южной части страны, где заканчивалась война с сайгонским режимом, часть островов была занята войсками КНР. Понятно, что присутствие военных сил сторон в спорной зоне неизбежно ведет к конфликтам. В частности, в 1993 г. китайские ВМС потопили вьетнамский корабль. В 2003 г. филиппинские и вьетнамские военные обнаружили на некоторых островах новые китайские демаркационные знаки, а также зафиксировали высокую активность китайских ВМФ.<sup>62</sup>

Помимо предполагаемых значительных запасов нефти и газа, эти острова имеют важное геостратегическое значение, поскольку находятся на важнейших региональных торговых путях, по которым идет также транспортировка энергоресурсов в страны Восточной Азии.

В то же время можно отметить, что накал противоречий вокруг островов Спратли и Парасельских в последнее время несколько снизился — во многом благодаря тому, что все основные участники конфликта на данном этапе считают своей приоритетной целью ускоренный экономический рост и не стремятся к развязыванию военных конфликтов в обозримом будущем. Знаком перемен можно считать подписанное в марте 2005 г. соглашение о ведении совместной сейсмической разведки запасов нефти и газа на островах и в прилегающей к ним акватории. Разведка проводится совместно представителями трех соперничающих государств — Китая, Вьетнама и Филиппин.<sup>63</sup> В то же время ни о каких уступках по вопросу о суверенитете речи не идет и архипелаг остается источником потенциальной напряженности.

Однако наибольшее беспокойство вызывает не угроза конфликта между странами региона. За это время там все-таки удалось выстроить систему сдержек и противовесов, которая может предотвратить конфликт. Куда большую опасность для стабильности представляют внутренние конфликты.

Известный финансист Дж. Сорос справедливо заметил: «В сегодняшнем взаимозависимом глобальном мире большинство конфликтов возникает не между, а внутри государств».<sup>64</sup> Традиционные системы сдержек и противовесов, система региональных организаций и фо-

<sup>62</sup> Рогожин А.А. Китай и Юго-Восточная Азия: сближение без иллюзий // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 43.

<sup>63</sup> Three State Firms Plan Joint Oil Survey Of Disputed Spratlys. // Wall Street Journal. 15 марта 2005. p. 1.

<sup>64</sup> Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001. С. 15.

румов, которые отслеживают ситуации, чреватые международными конфликтами (Южно-Китайское море, Тайваньский пролив и пр.), окажутся бессильными в случае с внутренними конфликтами. Кроме того, во многих случаях такие конфликты могут разжигаться из-за рубежа — как соседними странами, так и великими державами. Во времена Индокитайских войн известны многочисленные примеры того, как противоборствующие стороны использовали традиционные религиозные и межплеменные распри в своих целях. В пятидесятые и шестидесятые годы коммунисты активно использовали хуацяо в Малайзии, американское командование склоняло на свою сторону целые племена в горных районах Вьетнама и Лаоса, а китайцы активно поддерживали бирманских повстанцев. Подобное может повториться и в будущем.

При этом великим державам и ТНК обычно выгоднее иметь дело с контролируруемыми авторитарными режимами, чем с национально ориентированными правительствами или с демократиями классического образца. «Международные банки и многонациональные корпорации часто чувствуют себя более уверенно при сильном авторитарном режиме, чем при слабом демократическом. Иностраный капитал нередко становился главной опорой диктатур, особенно когда дело касалось доступа к природным ресурсам, таким, как нефть».<sup>65</sup> Однако планируемые результаты могут существенно отличаться от достигнутых. Возможности влияния на ситуацию часто весьма ограничены, а с точностью просчитать долгосрочные последствия тех или иных политических акций невозможно в принципе. Достаточно напомнить, что «нападение на Ирак, предпринятое Соединенными Штатами и Великобританией, во многом с расчетом на «обуздание нефтяных рынков» посредством захвата права управлять экспортом иракской нефти и тем влиять на мировые ценовые пропорции, на деле спровоцировало повышение цен на топливо».<sup>66</sup>

В целом существуют три типа внутренних конфликтов, с которыми сталкиваются практически все страны региона.

Наиболее очевидны среди них — движения сепаратистские (или «национально-освободительные»; выбор терминологии — дело политического вкуса и отношения к тому или иному движению). ЮВА отличается крайней пестротой этнического состава, все страны региона многонациональны. При этом исторически государственность во многих странах региона весьма молода, и во многих случаях

<sup>65</sup> Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М., 2001. С. 244–245.

<sup>66</sup> Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США. М., УРСС. 2004. С. 12.

национальное самосознание там окончательно не сложилось до сих пор. Это не относится к Вьетнаму, но и там присутствуют многочисленные этнические группы, которые с давних времен имели мало общего с собственно вьетской элитой и вели фактически независимое существование (достаточно напомнить, что практически вся южная часть страны, включая дельту Меконга, вошла в состав Вьетнама только в XVIII в.). На некоторую историческую традицию могут опираться Таиланд и Бирма, но и там присутствуют многочисленные меньшинства, которые в силу слабых связей с центральными властями во многом сохранили свое собственное племенное самосознание. Индонезия, Сингапур и Малайзия возникли на месте бывших европейских колоний, администраторы которых достаточно произвольно объединили районы, имевшие ранее мало общего между собой. Поэтому попытки создать там единое национальное самосознание стали предприниматься только на протяжении последнего столетия. Представляется, что в Малайзии и Сингапуре такие попытки оказались достаточно успешными, а вот в Индонезии жители многих регионов по-прежнему воспринимают яванскую бюрократию и связанную с ее интересами армию как чужаков и даже оккупантов.

Второй тип внутренних конфликтов определяется тем, что почти все страны региона управляются (или в недавнем прошлом управлялись) авторитарными режимами различной степени жесткости. В целом население этих стран вполне готово мириться с диктаторским характером местной власти — по крайней мере, до тех пор, пока авторитарный режим обеспечивает стабильность и высокие темпы экономического роста. Однако в последние десятилетия в результате развития современного капитализма в странах региона сложились многочисленные и влиятельные слои, члены которых с симпатией относятся к идеям западной демократии. Эти слои включают в себя инженерно-технический персонал, служащих, интеллигенцию, квалифицированных рабочих. Легко заметить, что с течением времени удельный вес и влияние этих слоев неизбежно возрастает. В случае возникновения в стране кризисной ситуации эти группы вполне могут выступить с требованиями демократических реформ и настаивать на уходе диктатора и его окружения. На протяжении последнего времени такие выступления имели место в Бирме (изначально успешные, но быстро подавленные), Малайзии (неудачные) и Индонезии (удачные). Ареной этих выступлений почти всегда являются столица и крупные города, где, в основном, и сосредоточены представители этих общественных слоев.

Третий тип конфликтов связан с характерным для многих стран ЮВА противостоянием между местной бюрократически-

силовой элитой, с одной стороны, и китайской буржуазией — с другой. Во многих случаях конфликт, носящий отчасти классовый, а отчасти этнический характер, дополнительно усугубляется религиозными факторами: значительная часть хуацяо исповедует христианство. Сами по себе погромы китайских фирм и магазинов вряд ли могут иметь серьезные последствия, но они могут внести свой вклад в подрыв внутривнутриполитической стабильности, а также использоваться для оказания на те или иные режимы внешнего давления.

Рассмотрим реальные и потенциальные конфликты, которые существуют в странах региона.

**Бирма (Мьянма).** Наиболее продолжительным и сложным является ситуация в Бирме, где целая серия взаимосвязанных этнических конфликтов началась еще в первые годы после провозглашения независимости страны и продолжается до сих пор. Конфликту способствует то, что этнические меньшинства, составляющие около трети всего населения страны, всегда были слабо интегрированы в бирманское государство и воспринимали бирманцев как завоевателей.

По сути, на территории Бирмы продолжают несколько конфликтов, напрямую не связанных между собой, причем в ряде случаев эти конфликты завершились созданием непризнанных государств, в каждом из которых существует свое правительство и система управления. В восточной части страны уже несколько десятилетий идет восстание каренов. На раннем этапе восстания, в 1949 г., карены почти взяли столицу страны Рангун, но со временем армии удалось отеснить их в джунгли. Тем не менее, в джунглях повстанцы оказались сильнее, и уже несколько десятилетий в восточной части страны существует непризнанное государство каренов. Похожая ситуация сложилась и с другим этническим меньшинством — племенами шан, которые также создали свое государство, непризнанное, но весьма стабильное. Третье непризнанное государство создано племенами качинов на севере страны. Действительная картина еще сложнее, так как в стране существует еще ряд очагов партизанской войны, да и многие из крупных повстанческих группировок на деле состоят из нескольких враждующих фракций. Лидеры повстанцев требуют формального признания своей фактической независимости, но на практике немалую роль играет желание руководства движений (военизированных и отнюдь не демократических по характеру) контролировать производство наркотиков, заготовку ценных пород древесины, добычу драгоценных

камней и прочие виды прибыльной, но нелегальной экономической деятельности.<sup>67</sup>

Кроме того, на протяжении последних десятилетий в гражданскую войну в Бирме регулярно вмешивались внешние силы: китайская агентура поддерживала коммунистических повстанцев, крайне активных в семидесятые и восьмидесятые годы, а США оказывали помощь некоторым из этнических партизанских движений.

Кроме серии этнических конфликтов, большую роль играет и противостояние нынешнего военного режима и демократической оппозиции, во главе которой стоит Аунг Сан Су Чжи, дочь Аунг Сана, основателя бирманского государства. После военного переворота 1988 г. пришедшие к власти военные расправились с оппозицией, однако Аунг Сан Су Чжи по-прежнему проживает в Рангуне под домашним арестом. Бирманские оппозиционеры пользуются активной поддержкой западных правительств, в то время как Китай и Индия сейчас налаживают взаимопонимание с правящей армейской верхушкой (во многом соперничая между собой).

**Таиланд.** В Таиланде крупнейшим узлом напряженности является южная часть страны — в первую очередь, провинция Паттани и прилегающие к ней районы. Эти провинции населены мусульманами, которые в этноязыковом отношении весьма близки к малайцам. Регион этот издавна воспринимался как проблемный, его обитатели с подозрением относились к буддистскому Бангкоку и время от времени организовывали вооруженные выступления против центральной власти, так что полный контроль над мусульманскими территориями был установлен только около 1900 г. В шестидесятые и семидесятые годы на юге Таиланда велась активная партизанская борьба. Основным требованием повстанцев было воссоединение части страны провинций с Малайзией, но немалую роль играли и коммунистические лозунги, которые тогда вообще широко использовались сепаратистскими (или «национально-освободительными») движениями во всем мире. К середине 1980-х гг. комплексные меры властей, которые сочетали карательные операции с пропагандой, подкупом местных элит и мерами по социально-экономическому развитию беспокойного региона, привели к тому, что партизанское движение почти прекратилось. Однако в 2001–2004 г. ситуация в южных провинциях стала вновь осложняться, так как борьбу против властей развернула новая повстанческая организация — Движение исламских моджахедов провинции Паттани. Идеологией движения служит

<sup>67</sup> Rajah Ananda. *Ethnicity and Civil War in Burma Where Is the Rationality? // Burma: Prospects for a Democratic Future*. Washington, DC: Brookings Institution, 1998; Rigg Jacob. *The forgotten war // New Statesman*. 14 августа 2006.

мусульманский фундаментализм, который в последние годы стал новой глобальной идеологической модой. Однако, несмотря на смену идеологической оболочки и фразеологии, корни проблем остаются прежними: слабое развитие южных провинций и трения между собственно тайцами и патанцами.<sup>68</sup>

Вероятность «кризиса второго типа», то есть выступлений среднего класса, в Таиланде не очень высока — во многом благодаря стабилизирующей роли монархии. Вспышки массового недовольства и военные перевороты являются частью политической жизни страны, но практически все столичные игроки признают авторитет монарха, и это снижает вероятность действительно радикальной дестабилизации.

**Индонезия.** Ситуация в Индонезии по своей сложности немногим уступает бирманской. Индонезия в своих нынешних границах сложилась только в XIX в., когда голландские колониальные администраторы провели укрупнение своих владений на архипелаге. Только после этого началось формирование новой национальной идентичности, причем процесс этот и поныне не охватил всей территории страны. Центром формирования индонезийской нации стал остров Ява, и именно яванская элита оказалась во главе вновь возникшего индонезийского государства.<sup>69</sup> Тем не менее, для многих жителей «страны 17 тысяч островов» яванцы являются чужаками, а сама Индонезия — искусственным конструктом, который силой навязывает регионам Джакарта. Понятно, что присутствие в том или ином районе разведанных месторождений полезных ископаемых во многом воодушевляет сепаратистов, которые стремятся к тому, чтобы доходы от эксплуатации недр оставались в их распоряжении. Не будет преувеличением сказать, что все масштабные и кровавые этнические конфликты в Индонезии разворачиваются на богатой нефтью земле.

Одним из конфликтных регионов является провинция Аче. Сильное исламское влияние было издавна характерно для Аче, который оставался независимым султанатом до конца XIX в. Кроме того, провинция обладает большими запасами нефти и природного газа, и это обстоятельство способствовало нагнетанию страстей: Джакарта не хотела уступать, а местные элиты стремились установить контроль

<sup>68</sup> Подробное описание конфликта в южном Таиланде см.: Harish S. P. Ethnic or Religious Cleavage? Investigating the Nature of the Conflict in Southern Thailand // *Contemporary Southeast Asia*. 2006, № 1.

<sup>69</sup> Достаточно отметить, что само слово «Индонезия» появляется менее столетия назад. См.: Anderson Benedict. Indonesian nationalism today and in the future // *Indonesia*. Apr 1999., № 67. P. 2.

над месторождениями. В то же время не только элита, но и рядовые жители Аче были убеждены в несправедливости системы распределения доходов от торговли ресурсами. В частности, в провинции часто напоминали о том, что только 5% доходов от экспорта нефти, газа и иных природных ресурсов остается в распоряжении провинции, в то время как 95% забирает Джакарта.<sup>70</sup> В результате с конца семидесятых годов в Аче активно действовали партизаны из Движения за Свободный Аче (*Gerakan Aceh Merdeka*, обычно известны как *GAM*). Идеологическая база движения представляет собой смесь из радикального ислама и обычных национально-освободительных лозунгов.

В ходе конфликта, который длился почти три десятилетия, погибли около 15 тыс. человек, а попытки индонезийской армии подавить сопротивление окончились ничем. В результате в августе 2005 г. Джакарта пошла на серьезные уступки, предоставила провинции широкую автономию и легализовала *GAM*, представители которого в декабре 2006 г. выиграли местные выборы (победе не помешал даже раскол в руководстве движения). Важной частью соглашения об автономии было обещание Джакарты оставлять в распоряжении местных властей около 70% всех поступлений, которые приносит в бюджет добыча нефти и газа в провинции.<sup>71</sup> На настоящий момент кажется, что в конфликте найдено компромиссное решение, но нельзя исключать ни того, что Аче начнет требовать расширения своей автономии или даже полной независимости, ни того, что правительство в Джакарте попытается ограничить предоставленную провинции автономию или увеличить свою долю отчислений от продажи нефти и газа. В этом случае вероятным представляется возобновление конфликта.

Вторым проблемным регионом Индонезии является Ириан Джая, или Западная Папуа. Эта провинция занимает западную часть острова Новая Гвинея и заселена меланезийцами-папуасами, которые и в языковом, и в культурном, и даже в расовом отношении резко отличаются не только от яванцев, но и от других индонезийских этнических групп. Проблемы вызывает активная деятельность горно-рудных компаний — в частности, американской компании *Freeport McMorran* принадлежит крупнейшая в мире золотодобывающая шахта, которая находится именно в провинции Ириан Джая. Как и в Аче, местное население недовольно тем, что почти вся прибыль от добычи полезных ископаемых поступает в центральный бюджет.

<sup>70</sup> Tiwon S. 'From heroes to rebels // Inside Indonesia, April-June 2000. P. 5.

<sup>71</sup> Hillman Ben. Aceh's Rebels Turn to Ruling // Far Eastern Economic Review. 2007, Vol. 170, № 1; Aceh looks for peace after landmark poll // China Daily, 13 декабря 2006.



Как и в Аче, представителей коренного населения почти нет среди деловой элиты. Ситуация в Ириан Джая во многом обстоит еще хуже, так как местные жители в недавнем прошлом являлись охотниками и собирателями, так что они не слишком привычны к современному индустриальному труду. В результате местные жители редко находят себе постоянную работу на предприятиях провинции. Повстанческое движение в провинции существует уже несколько десятилетий, но, судя по всему, действует оно без внешней поддержки и поэтому немногочисленно, плохо вооружено и не представляет серьезной военной силы. Однако нельзя исключить и эскалации конфликта, особенно если в ситуацию решат вмешаться внешние силы. С другой стороны, доходы от ирианских приисков столь велики, а потенциал сопротивления столь слаб, что Джакарта едва ли пойдет на серьезные уступки по этому вопросу. Тем не менее, в 2006 г. центральное правительство приняло закон об автономии провинции Ириан Джая, которую переименовали в Западную Папуа.<sup>72</sup>

Третий проблемный регион — Восточный Тимор — вообще более не является частью Индонезии. На протяжении нескольких столетий этот регион, занимающий восточную половину большого острова Тимор, был португальской колонией. После революции в Португалии в 1975 г. Тимор провозгласил свою независимость, но он был тут же занят индонезийскими войсками. Аннексия Тимора не была, в общем, признана мировым сообществом, в официальных документах ООН Тимор по-прежнему числился «территорией под управлением Португалии». Стремясь закрепить свои права на регион, индонезийское правительство стало активно способствовать переселению в этот район жителей других регионов, рассчитывая ассимилировать тиморцев и ускорить интеграцию острова. Однако на острове началось активное движение сопротивления. Как и в случаях с Аче и Западным Папуа, особую ожесточенность борьбе придало открытие в прибрежных водах больших месторождений нефти и газа.

После падения режима Сухарто Джакарта согласилась на референдум, в ходе которого большинство жителей Тимора проголосовали за независимость острова. Результатом референдума, однако, стала вспышка гражданской войны, так как переселенцы из других регионов, составлявшие заметную часть населения, с оружием в руках выступили против независимости. После нескольких недель ожесточенных боев на острове высадились австралийские войска, под прикрытием которых и была провозглашена независимость Восточного Тимора.

<sup>72</sup> Papua, West Irian Jaya expected to talk about special autonomy implementation // Antara. 23 августа 2006 г.

Индонезия является единственной страной региона, в которой авторитарный режим был свергнут в результате внутренних выступлений. В 1965–1998 гг. у власти в стране находились военные с генералом Сухарто во главе. Несмотря на высокий уровень коррупции и тесные связи с непопулярными китайскими предпринимателями, режим Сухарто отличался стабильностью, в том числе и потому, что был в состоянии обеспечивать приемлемые темпы экономического роста: на протяжении 1966–1996 гг. ВВП Индонезии в среднем увеличивался на 6,7% в год.<sup>73</sup> По выражению Кингсбери, диктатура Сухарто «заложила основы продолжительного внутреннего спокойствия и контроля, а также была периодом почти постоянного экономического роста».<sup>74</sup> Однако финансовый кризис 1997–1998 гг. нанес режиму смертельный удар, так как сформировавшийся под его эгидой средний класс потерял веру в то, что в новых условиях режим будет в состоянии поддерживать старые темпы роста. В результате в городах начались массовые волнения, и в 1998 г. Сухарто пришлось уйти в отставку. На смену диктатуре пришел слабый и нестабильный демократический режим. Однако в последние годы экономическая ситуация в стране заметно улучшилась.

**Малайзия.** В сравнительно недавнее время Малайзия была ареной ожесточенной партизанской войны, которая формально разрывалась под идеологическими лозунгами, но на практике носила этнический характер. На протяжении пятидесятих годов в Малайзии, тогда еще остававшейся британской колонией, шла борьба между партизанами-коммунистами и правительственными войсками. На практике партизанское движение опиралось на этнических китайцев, роль которых в Малайзии очень велика. В конечном итоге, это обстоятельство и предопределило исход восстания: этническое большинство не было готово поддержать движение, в котором доминировали хуацяо.

Трения между этническими китайцами и коренным населением продолжали играть немалую роль в малайской политике. Правительство страны официально проводит политику поощрения «коренного бизнеса», представителям которого полагаются многочисленные льготы, и до определенной степени ограничивает деятельность бизнесменов из числа хуацяо, не доводя при этом дело до конфронтации. В целом властям удается удерживать не-

<sup>73</sup> Dick Howard, Houben Vincent, Lindblad Thomas, Thee Kian Wie. *The Emergence of a National Economy: An Economic History of Indonesia, 1800–2000*. Crows Nest, N.S.W.: Allen & Unwin, 2002. P. 198.

<sup>74</sup> Kingsbury Damien. *Power Politics and the Indonesian Military*. New York: Routledge-Curzon, 2003. P. 30.

простую ситуацию под контролем, чему немало способствует экономический рост.

Внутриполитическая стабильность во многом зависела от личности многолетнего (занимал пост в 1981–2003 гг.) премьер-министра страны доктора Махатхира. Его деятельность зачастую вызывала немалое раздражение на Западе. Свою роль тут играли частые критические высказывания в адрес «западного капитала», «еврейских финансистов», а также активное участие в кампании по пропаганде «азиатских ценностей». Махатхира часто представляли в виде авторитарного лидера, чуть ли не диктатора. В действительности его режим, бесспорно, имеет некоторые авторитарные черты, но все-таки он куда мягче, чем многие иные режимы, по поводу которых у официального Вашингтона никаких возражений нет. Кроме того, на протяжении почти всего правления Махатхира Малайзия переживала экономический бум, что немало способствовало укреплению его авторитета в стране. Предпринятая оппозицией в 1997 г. попытка отстранить Махатхира от власти, воспользовавшись экономическим кризисом, окончилась провалом, и в 2003 г. он ушел в отставку, передав управление заранее выбранному преемнику.

В заключение раздела необходимо остановиться и на так называемом «исламском факторе», которому сейчас на Западе уделяется много внимания. В западной печати идут разговоры о том, что у исламистов есть планы создания «нового азиатского халифата», в который «вошли бы Индонезия, Малайзия, Бруней, Сингапур, южные части Филиппин, Таиланда и Мьянмы». <sup>75</sup> Подобные слухи могут использоваться в тех пропагандистских кампаниях, которые сейчас активно ведет сам Запад, но всерьез о подобном сценарии говорить все-таки не приходится. Усиление радикального исламизма в ЮВА очевидно, но в большинстве случаев исламский фундаментализм является не более чем очередной модной оболочкой, в которую упаковываются местные проблемы. В свое время, в период от окончания Второй мировой войны и до начала 80-х гг., большинство повстанческих движений региона щедро пользовалось марксистско-ленинской фразеологией, но на практике и цели, и реальная идеология этих движений были весьма далеки от декларировавшегося ими марксизма. В наше время, когда марксизм-ленинизм перестал быть глобальной идеологической модой, многие движения, особенно в исламских странах и регионах, стали с той же легкостью прибегать к религиозной фразеологии.

<sup>75</sup> Гусев М.Н. К вопросу о намерении создать «новый азиатский халифат» в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия в 2003 г. Актуальные проблемы развития. М., 2004. С. 29.

Однако в действительности ни повстанцы из южного Таиланда, ни партизаны Аче, ни представители иных группировок не мечтают о создании некоего исламского супергосударства. Наоборот, они стремятся выйти из уже существующего государства и создать свое собственное, в котором бы местные элиты были полновластными хозяевами положения и имеющихся ресурсов. Впрочем, нельзя сводить сепаратизм к одному лишь эгоизму элит: сплошь и рядом его движущей силой выступает неравномерность в развитии регионов, а также дискриминационная политика центральных властей.

## Выводы

В условиях обостряющейся конкурентной борьбы за доступ к ресурсам страны ЮВА находятся в достаточно невыгодном и опасном положении. С одной стороны, они сами обладают значительным запасом природных ресурсов и вдобавок находятся на одном из важнейших путей транспортировки энергоносителей. С другой стороны, и регион в целом, и большинство входящих в него стран слабы и в политическом, и в финансово-экономическом, и в военном отношениях. Попытки региональной интеграции, предпринимавшиеся в последние десятилетия, принесли весьма скромные результаты. АСЕАН, созданный как чисто экономический блок, постепенно приобретает политические функции, но считать его полноценным политическим блоком пока невозможно. Кроме того, в большинстве стран региона имеются действующие или потенциальные очаги внутренних конфликтов. Это закономерно превращает страны ЮВА в арену конфликтов великих держав.

В то же самое время период после 1975 г. стал эпохой исключительно быстрого экономического роста ЮВА. Даже т.н. «азиатский кризис» 1997–1998 гг. смог лишь ненадолго приостановить их развитие. До настоящего времени, однако, это развитие носит экстенсивный характер и базируется на доступе к дешевым ресурсам и, что еще более важно, обилии дешевой рабочей силы. Фактически страны региона служат лишь «сборочными площадками», которые снабжают готовой продукцией более развитые части планеты. Эта стратегия позволила существенно поднять в этих странах уровень жизни, улучшить ситуацию с образованием и здравоохранением, провести некоторые социальные реформы. Однако в перспективе сохранение этого подхода станет означать, что страны региона будут находиться на периферии мировой экономики.

В настоящее время преобладающим влиянием в регионе пользуются США, хотя ни одну из стран региона нельзя без серьезных оговорок описать как «управляемую проамериканским режимом». Во многих государствах ЮВА у власти стоят национально-ориентированные элиты, которые во главу угла ставят защиту национальных интересов (или того, что они таковыми интересами считают). С другой стороны, в последние 15–20 лет резко активизировалось китайское проникновение в регион. Пекин, используя разнообразные экономические рычаги и во многом опираясь на местные общины этнических китайцев, стремится к вытеснению США из региона. В целом баланс сил в ЮВА в последние годы медленно меняется в пользу КНР, что вызывает беспокойство в Вашингтоне. Кроме того, некоторый интерес к региону проявляют Индия и Япония.

Если принимать во внимание слабость, разобщенность и уязвимость региона, то можно предположить: соперничество великих держав едва ли приведет к увеличению стабильности. Скорее, наоборот: в обозримом будущем ЮВА останется зоной конфликтов и соперничества внешних сил, причем борьба за контроль над природными ресурсами будет одним из важнейших побудительных мотивов этого соперничества.